

ГАРОЛЬД С. ДОЙЧ

Заговор против Гитлера.
Деятельность Сопротивления в
Германии. 1939-1944

Гарольд С. Дойч
Заговор против Гитлера.
Деятельность Сопротивления
в Германии. 1939-1944

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609265

*Заговор против Гитлера. Деятельность Сопротивления в Германии.
1939—1944 / Пер. с англ. С.К. Меркулова.: Центрполиграф; Москва;
2008*

ISBN 978-5-9524-3882-8

Аннотация

Работа известного американского историка Гарольда С. Дойча, в прошлом – члена Особой комиссии госдепартамента США по расследованию военных преступлений, демонстрирует новый взгляд на тщательно законспирированную деятельность германской оппозиции в 1939—1940 годах. Автор при анализе стратегии и тактики Сопротивления выделяет этапы «незримого боя», акцентируя внимание на обстановке внутри страны, на внешнеполитических факторах (влияние Англии, Ватикана и Франции), на ключевых фигурах антигитлеровской коалиции, на причинах поражения.

Уникальность исследования подтверждается большим количеством редкой документации, в том числе свидетельствами очевидцев, опубликованными впервые.

Содержание

От автора	5
Введение	12
Глава 1	21
Как оппозиция объединяла и расширяла свои ряды	24
«Мотор» оппозиции	28
Политическая составляющая оппозиции	38
Оппозиция внутри МИДа	40
Оппозиция среди военных	60
Пик первого раунда	75
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Гарольд С. Дойч Заговор против Гитлера. Деятельность Сопротивления в Германии. 1939—1944

От автора

Редко можно встретить другое историческое исследование, при написании которого автор был бы столь же обязан многим людям, так или иначе связанным в свое время с Сопротивлением.

Деятельность оппозиции во всех ее аспектах, включая практические операции и каналы связи, была тщательно законспирированной. Каких-либо официальных документов, касающихся второго этапа этой деятельности, практически не сохранилось — заговорщики старались оставлять как можно меньше следов. Документы, касающиеся посредничества Ватикана в установлении контактов внутригерманской оппозиции с английским правительством, судя по всему, повсеместно систематически уничтожались в ходе работы; а те,

которые сохранились, возможно, надежно спрятаны в британских архивах и на данный момент являются недоступными для исследователей. Что же касается документов неофициального и частного характера, то они в значительной мере утеряны для истории и ее исследователей: огромное количество таких материалов попало в руки нацистов после неудачной попытки покушения на Гитлера в июле 1944 года, и все эти материалы почти полностью безвозвратно канули в небытие вместе с Третьим рейхом. Другие документы были спешно уничтожены участниками заговора с целью ввести в заблуждение агентов гестапо, идущих за ними по пятам, и таким образом избежать смерти. Та малая толика этих документов и материалов, которая оказалась доступной после 1945 года, позволяет получить лишь отрывочное представление и только о некоторых аспектах деятельности оппозиции, поскольку ее работа была поставлена таким образом, что правая рука зачастую не знала, что делает левая.

Поэтому если основываться лишь на имеющихся письменных источниках, то это навряд ли поможет высветить все темные углы и воссоздать полную картину происходившего. Некоторые исследователи пытались вырваться из этого замкнутого круга, обращая напрямую к тем свидетелям и участникам событий, которые были еще живы, однако обычно общались лишь с теми, кто был доступен, так сказать, находился под рукой. В результате полученная информация не позволяла воссоздать полную картину деятельности оппози-

ции. Поэтому возникла необходимость побеседовать со всеми без исключения участниками этих событий, которые были еще живы, собрать и обработать информацию всесторонне и системно.

Значение этой информации конечно же зависело от той роли, которую играл тот или иной человек в упомянутых событиях, будь то свидетель или непосредственный участник. Безусловно, я всем им очень признателен за то, что они нашли возможным уделить мне свое время и сообщить столь важную для меня информацию. Однако есть несколько человек, которых я хотел бы поблагодарить особо.

Поистине неоценимую услугу оказал мне генерал-майор в отставке Герман фон Витцлебен, предоставив обширный материал, включая личные показания и заявления тех, кто имел отношение к предмету моего исследования.

Наиболее важную и ценную информацию для настоящей книги из всех, с кем довелось общаться, предоставил доктор Йозеф Мюллер, бывший министр юстиции и руководитель ХСС (Христианского социалистического союза) Баварии. Общаясь в общей сложности около трех суток, мы провели более тридцати встреч, во время которых он снабдил меня поистине бесценной информацией, рассказав о своей деятельности по установлению контактов с Ватиканом, а через него – с Англией.

В течение восьми лет я семь раз встречался с преподобным Робертом Ляйбером, который помог мне приоткрыть

завесу над той ролью, которую сыграл папа Пий XII в контактах оппозиции с Ватиканом. Весной 1966 года он прочитал предварительный вариант моей рукописи, посвященный этому вопросу. Заключительная встреча была запланирована на 18 февраля 1968 года; но именно утром этого дня Р. Ляйбер скончался. В течение предшествующих четырех дней, несмотря на тяжелое физическое состояние, он посмотрел ту часть книги, которая была посвящена контактам с Ватиканом, и сделал три замечания на полях. Его с трудом удалось разубедить продолжать изучать рукопись вплоть до самых дверей операционной.

Преподобный Жан Шарль—Руа предоставил мне информацию первостепенной важности, полученную от его отца, который был французским послом в Ватикане в период, рассматриваемый в моем исследовании. Я получил доступ к большей части корреспонденции, которую направлял посол Франсуа Шарль—Руа в те критические месяцы.

Я также благодарен тем, кто помог мне получить важную информацию, касающуюся контактов оппозиции с Бельгией и Нидерландами. Так, историческое управление министерства иностранных дел Бельгии предоставило мне возможность ознакомиться с текстом двух телеграмм, полученных из бельгийского посольства в Ватикане. Жан Ванвелкенхайзен из Брюссельского университета любезно предоставил мне возможность сделать копии с сообщений генерала Жоржа Готалса, который был в то время бельгийским военным

атташе в Берлине, а также с его комментариями по поводу встречи с генеральным аббатом Премонстрийского ордена Губертом Нутсом.

Особую благодарность и признательность я хотел бы выразить бывшим членам оппозиции, работавшим в германском министерстве иностранных дел, содействие и поддержка которых стали для меня поистине незаменимыми. Это посол Хассо фон Эцдорф, Эрих Кордт, Альбрехт фон Кессель, Вернер Хааг и его жена Инга. Последние помогли мне найти самый важный документальный источник, использованный в настоящей работе, – дневники и бумаги Гельмута Гроскурта. Именно Хааг предоставил мне личный дневник Гроскурта и помог обнаружить его военный дневник, а также сопутствующие документы, которые хранились в одной из почти забытых папок госдепартамента США и которой никто не пользовался с 1946 года.

Как мне неоднократно придется упоминать на последующих страницах данной работы, одной из основных проблем, стоявших перед исследователями данной темы, о чем с сожалением говорили многие из тех, кто занимался тем периодом, являлось отсутствие официальных английских документов. Когда писалась эта работа, срок, после которого разрешалась публикация документов, был сокращен с пятидесяти лет до тридцати. В этой связи можно ожидать всплеска исследовательской активности в 60—70-х годах, которая, возможно, поможет пролить свет на многие противоречивые

и еще недостаточно изученные вопросы, связанные с деятельностью оппозиции Гитлеру в начальный период Второй мировой войны. Однако, судя по всему, в отношении контактов оппозиции с Ватиканом этим надеждам вряд ли суждено сбыться. Во время эвакуации союзных войск из Дюнкерка Йозеф Мюллер передал отцу Ляйберу просьбу от группы заговорщиков в Берлине, чтобы Ватикан попросил англичан уничтожить все документы, содержащие информацию о попытках оппозиции использовать Ватикан в качестве посредника для установления контактов с английским правительством. Ватикан, безусловно, был очень рад подобной просьбе, поскольку в случае оккупации Англии гитлеровцами эти документы могли попасть в их руки, что могло иметь для Ватикана негативные последствия. Тогдашний посол Англии в Ватикане покойный герцог Лидский подтвердил, что он передал в Лондон такую просьбу, правда, он отметил, что не знает, была ли она выполнена.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что из отправляемых английским послом сообщений тщательным образом отбиралось все, связанное так или иначе с посредническими услугами Ватикана. Многие из них, скорее всего, были уничтожены в соответствии с поступившей от Ватикана просьбой. В то же время часть из них, возможно, хранится в особо засекреченных архивах английского МИДа (с учетом того, что практически вся информация, хранящаяся на многочисленных архивных стеллажах английского внешнеполити-

ческого ведомства, относящаяся к контактам с Ватиканом в тот период, является засекреченной, можно с уверенностью утверждать, что именно сюда была помещена значительная часть поступавшей информации по этому вопросу).

Много материала, использованного в данной работе, удалось мне собрать во время годичной стажировки в Германии в 1957—1958 годах, где я работал в качестве исследователя от Центра Фулбрайта. Именно в то время мне удалось познакомиться с некоторыми важными аспектами деятельности антигитлеровского Сопротивления накануне и в годы Второй мировой войны.

Гарольд С. Дойч

Введение

Второй этап заговора против Гитлера

Уже несколько десятилетий прошло со времени краха гитлеровского Третьего рейха, однако интерес к этой теме еще далеко не исчерпан. Постепенно расширяясь, он охватил и деятельность оппозиции нацистскому режиму. При этом возник ряд сложностей в том, чтобы определить действительное место и роль антигитлеровского Сопротивления в раскладе политических сил того времени. Одной из причин этого стал необъявленный союз антигерманских и пронацистских сил. Тому факту, что последователи Гитлера не хотели признавать значение деятельности тех, кто выступал против его агрессивной политики, удивляться не приходится. Однако и в странах антигитлеровской коалиции подход к рассмотрению данного вопроса не был однозначным.

Перед войной и в самом ее начале многие в западных странах с готовностью и охотой верили в существование в Германии мощной оппозиции нацистскому режиму. Подобная убежденность существовала параллельно с надеждой на то, что войны удастся избежать, а если она и начнется, то ее можно будет быстро остановить, не доводя дела до серьезных жертв.

Однако позднее, когда Англия фактически оказалась прижатой к стене и ей пришлось пройти сквозь мучительные испытания, а в США благодушное и самодовольно–беспечное отношение к нацизму сменилось сначала глубокой озабоченностью, а затем яростной решимостью борьбы с ним, первоначальные настроения коренным образом изменились. Теперь было уже неинтересно вникать в то, какая часть германского общества и в какой степени была соучастником нацистского режима. Если бы западные союзники признали наличие в Германии реально существующей действенной и жизнеспособной оппозиции, им бы пришлось умерить свой порыв к свершению возмездия и разжать кулаки, которые были уже готовы для нанесения нокаутирующего удара. Вопрос теперь стоял только так: полная победа, безоговорочная капитуляция и массовое возмездие по отношению к побежденным. В подобной атмосфере все попытки оппозиции заявить о себе были проигнорированы, все ее усилия выйти на контакт с союзниками были пренебрежительно отвергнуты. Когда силы антигитлеровского Сопротивления нанесли наконец в июле 1944 года удар – который, правда, оказался неэффективным и не принес успеха – по нацистскому режиму, в западных странах о заговорщиках говорили с не меньшим пренебрежением и презрением, чем пропагандистская машина Геббельса. Это отношение сохранилось и после войны, и именно оно стало препятствием к тому, чтобы пролить свет на деятельность оппозиции и действительно понять, ка-

кую скрытую и невидимую борьбу вели подпольно действовавшие силы антигитлеровского Сопротивления.

В Германии нежелание тщательно изучить и задокументировать деятельность антигитлеровской оппозиции наблюдалось не только среди бывших нацистов. Миллионы немцев, безропотно сносившие нацистский режим, не хотели получить подтверждение того, что сопротивление режиму было в принципе возможно и что многие их соотечественники сделали именно этот выбор, чреватый мученичеством и смертельной опасностью. А чем больше утверждался тезис о практически всеобщем соучастии и попустительстве всех немцев в том, что нацистский режим мог безнаказанно творить, тем больше притуплялось, а то и вовсе снималось чувство личной вины. Признание и подтверждение того, что кто-то сделал иной выбор, было бы равносильно признанию собственной вины и собственной неспособности сделать аналогичный выбор.

Однако со временем эти настроения ослабли и появилось больше возможностей изучить и объективно оценить роль и значение сил Сопротивления нацистскому режиму в период с 1933 по 1945 год. В то же время полноценно и всесторонне исследовать этот вопрос на основе документальных источников по-прежнему затруднительно. Имеющиеся документы по временному периоду распространены крайне неравномерно. Львиная доля их приходится на время, когда произошли хорошо известные драматические события июля 1944

года. И хотя именно в тот момент планы оппозиции реализовались в конкретные практические действия, было бы абсолютно неверным утверждать, что никогда прежде у сил Сопротивления не было более благоприятной возможности для успешного осуществления их планов.

Сопротивление охватило представителей тех слоев германского общества, интересам которых был нанесен прямой ущерб или же их идеалы и чувства были попораны нацистами. Степень активности и решительности участников оппозиции зависела от того, какую общественную группу они представляли (политические, религиозные, военные круги и т. д.), а также от степени их организованности и профессионализма руководителей. Контакты между всеми группами оппозиции, не считая коммунистов¹, начали устанавливаться начиная примерно с 1936 года, однако действенными и достаточно эффективными они стали лишь в середине войны.

¹ Несмотря на тяжелые потери, именно коммунисты находились в авангарде борьбы против Гитлера и его режима и внесли решающий вклад, в том числе и организационный, в эту борьбу и вовлечение в нее всех наиболее боевых и решительных антифашистских сил. «Коммунисты, – писал исследователь антифашистского Сопротивления Р. Пехель, – были единственными, кто после роспуска их партии и ареста большинства ее руководителей и активистов тотчас же вновь возобновил борьбу против фашистского режима, на этот раз в условиях подполья. Их руководители сидели в застенках гестапо и в концентрационных лагерях, их судили группами. Смертные приговоры сыпались на них градом... И все же они так мужественно держались на суде, что даже выдавших виды гитлеровских судей бросало в пот от такой решительности и непоколебимости коммунистов в их вражде к национал-социализму». (*Примеч. пер.*)

А в 1938 году у оппозиции впервые появилась реальная возможность свергнуть нацистский режим. Этому содействовали два благоприятных фактора.

Во-первых, серьезный кризис в отношениях Гитлера с армейским руководством привел к тому, что ряд высших военных чинов примкнул к оппозиции. Без поддержки тех, кто контролировал армию и полицию, нечего было и надеяться на успех в свержении нацистского режима; появление в рядах оппозиции группы военных стало важнейшим для нее приобретением, усилившим в первую очередь подпольно-конспиративную составляющую ее деятельности. Теперь наиболее решительно настроенные представители оппозиции могли использовать в своей деятельности возможности командных и штабных центров германской армии. И хотя среди военных оппозиция была сфокусирована в основном вокруг одного основного центра, но именно он и являлся главным хранителем того самого ключа, который мог открыть ворота, ведущие к власти.

Во-вторых, с 1938 года среди оппозиции, по крайней мере среди наиболее информированных ее представителей, твердо сформировалось понимание того, что политика Гитлера неизбежно ведет к войне. Не пытаясь определить, что играло большую роль – факторы морального характера или сугубо прагматические соображения, – можно смело утверждать, что именно необходимость противодействия возникновению войны стала тем вопросом, по которому мнение

всех участников оппозиции было единым. Как избежать войны, а если она все же начнется, то как ее остановить – этот вопрос стал темой постоянного обсуждения в рядах оппозиции и считался столь же важным, как и смещение Гитлера; при этом все понимали прямую взаимосвязь между этими вопросами. А эта взаимосвязь была столь очевидна и велика, что оба вопроса превратились в двуединый. Именно попытки предотвратить развязывание войны стало той основой, на которой оппозиция привлекала в свои ряды новые силы – тех, кто был противником нацистского режима. Становилось все более очевидным, что единственной возможностью избежать войны (а позднее остановить ее) является отстранение Гитлера от власти.

Для того чтобы лучше понять, как действовала оппозиция, следует выделить в ее деятельности ряд этапов или периодов; их даже можно назвать «раундами», во время которых она вела свой «незримый бой». Причем главным ее противником был не Третий рейх, который, к счастью для оппозиции, и не подозревал, что против него замышлялось, а неблагоприятные обстоятельства, подстерегающие ее на судьбоносных поворотах и перепутьях, а также слабость и уязвимость в ее собственных рядах. Каждый «раунд» представлял собой законченный самостоятельный период, когда обстановка внутри страны давала основания быть готовыми к выступлению, поддержка западных держав была более или менее четко обозначена и намечалась, по крайней мере пред-

варительная, дата начала практических действий.

В сжатом виде посредством небольшой таблицы можно выделить четыре основных периода:

Период	Продолжительность	Командный центр в военной среде
I	июль—сентябрь 1938	Верховное командование сухопутных сил
II	сентябрь 1939 — май 1940	Абвер (военная разведка)
III	1942—1943	Командование группы «Центр» (Восточный фронт)
IV	март — 20 июля 1944	Штаб общевойсковоего управления Главного командования сухопутных сил

Предметом настоящего исследования является второй из вышеупомянутых периодов. О нем за пределами Германии известно меньше всего. Поскольку первый период ассоциируется с Мюнхенским кризисом², а во время третьего и четвертого периода произошли широко известные по своей важности и драматизму события, то именно к этим периодам и было привлечено особое внимание. Однако во время второго периода сложилась весьма благоприятная обстановка для осуществления планов оппозиции. Именно в это время ряд высших военных чинов был готов действовать. Только в этот период враждебная Германии иностранная держа-

² Имеется в виду печально известный «мюнхенский сговор», который практически свел на нет создание системы коллективной безопасности в Европе. (*Примеч. пер.*)

ва³ положительно отнеслась к планам оппозиции и выразила ей поддержку. И также именно в этот период появился влиятельный международный посредник, которым стал Ватикан, готовый помочь установлению контактов оппозиции с западными державами.

О данном периоде деятельности оппозиции написано очень немного и отрывочно, основные эпизоды обозначены лишь «мазками», причем вся имеющаяся литература издана только на немецком языке, а на других, включая английский, материалов крайне мало. Если об этом периоде вскользь и упоминается, то лишь в контексте исследования «заговора 20 июля 1944 года», которому и посвящены практически все имеющиеся материалы. С тех пор как в 1957 и 1958 годах вышли две прекрасные работы немецких исследователей Э. Хорста и К. Сендтнера, посвященные данному вопросу, ничего действительно ценного и интересного в добавление к их трудам создано не было. Автору этой книги посчастливилось получить доступ к материалам, которые ранее не были доступны для исследователей. В частности, в настоящей работе гораздо более широко, чем когда бы то ни было, использованы свидетельства участников и очевидцев описываемых событий, которые были живы во время работы над книгой. Удалось заглянуть в глубь многих событий, которые раньше рассматривались лишь вскользь и поверхностно, а также пролить свет на то, о чем до этого практически ничего не

³ Автор имеет в виду Англию. (Примеч. пер.)

было известно.

Итак, начнем с того, что же представляла собой оппозиция, попробуем как бы заглянуть внутрь ее.

Глава 1

Что представляла собой оппозиция

20 июля 1944 года в 12 часов 42 минуты пополудни в ставке Гитлера в Восточной Пруссии «Вольфшанце» («Волчье логово») произошел взрыв. Взорвалась пластиковая бомба, спрятанная в портфеле, который за несколько минут до этого был поставлен буквально под ноги Гитлеру. Однако фюреру нацистского рейха повезло. Портфель кому-то помешал, и тот передвинул его за одну из массивных опор стола. Гитлер отделался лишь легкими ранениями, причем настолько легкими, что уже вечером того же дня он встречал на вокзале Муссолини и присутствовал на приеме, который несколько часов спустя был дан в честь прибывшего гостя.

Покушение на Гитлера вызвало во всем мире взрыв слухов и любопытства. А что означало это событие для оппозиции? В Германии официальная оценка произошедшего была быстро озвучена по приказу Геббельса. «Небольшая группка офицеров, кучка отщепенцев, не имеющая никакого отношения к боевым действиям на фронте, бросила вызов Провидению, предав нашего любимого лидера и нашу страну». Реакция на Западе мало чем отличалась от вышеупомянутой, как по форме, так и по содержанию. Произошедшее пренебрежительно называли «заговором генералов»; так его называ-

ли и в течение нескольких последующих лет, а главной его целью определили попытку освободить германский корабль от политического балласта в лице Гитлера, спасти и сохранить таким образом ресурсы и возможности страны для новых завоеваний в будущем. «Генералов» обвиняли в том, что они хотели не дать союзникам одержать решительную и полную победу над Германией, победу, которая лишь одна могла полностью решить «германский вопрос». События, связанные с заговором, впервые вырвались наружу лишь в 1944 году, когда их все увидели воочию, но подготавливались они в течение большей части предыдущего десятилетия. Многие из тех, кого планировалось включить в состав временного правительства, которое оппозиция намеревалась создать в случае успеха заговора, уже рассматривались как кандидаты при аналогичных попытках, готовившихся с 1938 года, когда началась активная борьба против нацистского режима. Уже к тому времени упоминавшиеся кандидаты, а также те, кого они хотели привлечь и на поддержку кого рассчитывали, работали вместе два–три года. Однако более всего в истории антигитлеровской оппозиции впечатляет прочность и твердость ее основного ядра. Разные люди то вступали в ряды оппозиции, то покидали их; те, кто «держал нос по ветру», отходили в сторону при любом неблагоприятном развитии событий, но те люди, которые составляли ее основное ядро, оставались верны своему делу до конца. Включившись в активную борьбу еще до начала войны, они оказались в первых

рядах тех, кто не колеблясь «вышел на ринг», готовые к бою, когда гонг возвестил о начале четвертого раунда тем роковым июлем 1944 года.

Как оппозиция объединяла и расширяла свои ряды

Мне бы не хотелось скрупулезно описывать, как расширялись и укреплялись различные группы и силы оппозиции и как шло их частичное объединение до 1938 года, а также подробно останавливаться на основных событиях первого раунда. Сейчас я хотел бы сравнить описываемые события скорее с театральной пьесой, чем с боксерским поединком, и представить главных действующих лиц, а также рассказать об основных событиях вступительного акта. Во-первых, надо ясно понимать, что оппозиция не могла представлять собой единую и четко организованную группу с единым руководством, согласованными общими целями и задачами. Оппозиция в нацистской Германии не была, да и не могла быть организацией со строгой дисциплиной и подчинением, четко следующей единой линии и строго выполняющей все поставленные задачи. Действительно, некоторые тайные организации порой следовали самой жесткой дисциплине, которую их члены должны были соблюдать иногда под страхом смерти. Такие примеры можно было встретить среди некоторых групп Сопротивления в ряде европейских стран во время Второй мировой войны. Но у них было важное моральное преимущество: наличие ясно выраженного внешнего врага и полная поддержка и сочувствие со стороны сооте-

чественников. Это было одной из причин того, что у них была определенная возможность осуществлять контроль как за членами организации, так и за теми, кто работал за ее пределами. Насколько позволяла обстановка, до определенного момента им удавалось сохранять строгую дисциплину среди членов организации, а также «приковывать к позорному столбу» противников и несогласных. Ничего подобного в антинацистской оппозиции в Германии не наблюдалось, если не считать коммунистов, которые придерживались позиции, что для достижения поставленных задач следует использовать все возможные средства.

На первоначальном этапе группы оппозиции формировались стихийно, почти случайно. Люди схожих взглядов группировались вокруг наиболее сильных личностей, разделяющих аналогичные убеждения, чтобы обменяться мнениями и заручиться моральной поддержкой. Аналогичные группы складывались и в других профессиональных и общественных сферах, и между ними возникали неофициальные доверительные контакты. Роль лидера в данном случае была очень велика, поскольку именно лидер мог установить контакты с людьми аналогичного общественного положения в других местах Германии. На следующем этапе возникали связи между оппозиционными группами различных взглядов и мировоззрений. Католики вступали в диалог с протестантами; консерваторы, либералы и социалисты обменивались мнениями и искали точки соприкосновения. Когда речь

шла о более узких по составу группах, то сначала возникали контакты строго на местном уровне, а потом уже они распространялись на региональный и федеральный. Иногда, правда, получалось наоборот. Сначала известные в национальном масштабе люди устанавливали контакты между собой, а вслед за этим возникали связи между их последователями и единомышленниками на региональном и местном уровнях.

Таким образом, линии контактов и связей разрастались, однако четкой, устойчивой связи не было, и она часто носила весьма путаный характер. Никто не мог претендовать на контроль за всей возникшей сетью, если этот «винегрет», представлявший собой настоящий лабиринт из запутанного переплетения взаимодействий, можно было назвать организацией или какой-то организационной сетью в строгом смысле этого слова. Элементарные правила конспирации требовали, чтобы каждый знал строго лишь то, что было знать необходимо, а личные контакты были сведены к минимуму; многие друг с другом не были лично знакомы, даже если им и приходилось находиться в одной компании. В этой рискованной и опасной игре не действовал принцип «знание – сила», поскольку владение слишком большим количеством информации было смертельно опасно как для самого человека, так и для его товарищей. Ведь если человек действительно чего-то не знал, он не мог рассказать об этом даже под пыткой⁴.

⁴ Одна из ведущих фигур оппозиции в германском МИДе, Альбрехт фон Кесель, в своей неопубликованной рукописи, написанной в конце 1944 – начале

Являлось обычной практикой, что во время встреч участников разных оппозиционных групп личного представления не было вообще⁵.

Беседы могли продолжаться до рассвета, и при этом каждый мог знать не более двух–трех человек из всех присутствующих.

1945 года подчеркивал, что именно по этой причине ряд уцелевших участников тех событий не могли поделиться информацией даже относительно важных дел, осуществлявшихся группой, в которую они входили. «По целому ряду направлений я не могу ничего сказать или прояснить, – писал он, – поскольку я ничего об этом не знал или не хотел знать». *(Здесь и далее примеч. авт., кроме особо оговоренных случаев.)*

⁵ Это подтверждают оставшиеся в живых участники оппозиции. Как вспоминает Йозеф Мюллер, бывший ведущей фигурой в контактах с Англией при посредничестве Ватикана, он часто встречался в доме заместителя начальника абвера (военной разведки) Ганса Остера с людьми, имен которых он не знал; он также никому не был представлен, и его имя не упоминалось. Подобную картину он наблюдал и в доме графа Гельмута фон Мольтке, у которого, в частности, он неоднократно вел долгие обсуждения с представителями социал–демократов по различным экономическим и политическим вопросам.

«Мотор» оппозиции

Хотя отношения и взаимодействие внутри оппозиции были сложными и напоминали спутанный клубок или причудливую паутину, был один человек, к которому в определенном смысле сходились все нити и который являлся ключевой авторитетной фигурой, а также связующим звеном, обеспечивающим какую-то степень целостности антигитлеровской оппозиции. Таким человеком был Карл Фридрих Герделер, который занимал пост обербургомистра сначала Кёнигсберга, а затем Лейпцига. Некоторое время, правда непродолжительное, он был имперским комиссаром по ценам.

Герделер приобрел широкую известность как экономист государственного уровня, а также управленец муниципального уровня власти. В Германии до прихода к власти Гитлера, чтобы стать руководителем крупного города, требовалось проявить недюжинные, если не исключительные, управленческие способности; только в этом случае была возможность подняться по муниципальной служебной лестнице. Те, кому это удавалось, пользовались столь высокими авторитетом и популярностью, что зачастую рассматривались как серьезные кандидаты на пост рейхсканцлера. И действительно, как Герделер, так и его основной конкурент, обладавший столь же высоким авторитетом, Конрад Аденауэр, работавший в Кёльне, время от времени рассматривались как кандидаты

на этот пост, когда речь заходила о перестановках в правительстве.

С учетом этих обстоятельств национал–социалисты не решились уволить его с государственной службы, несмотря на его более чем откровенные критический настрой и неприязнь к фашистскому режиму. Автор настоящей работы лично имел возможность убедиться в глубоком неприятии нацизма Герделером, а также в том, насколько открыто и откровенно он об этом говорил. Собирая информацию и исследуя режим Гитлера под видом изучения изменений в местном управлении, автор посетил в 1936 году Лейпциг и встретился с Герделером. Обычно в начале всех своих встреч тот сразу давал понять свое отношение к режиму Третьего рейха. Так, задав вопрос: «Какая, на ваш взгляд, самая первоочередная и важная проблема, стоящая сейчас перед Германией?», он сам же на него безо всяких раздумий и сомнения и ответил: «Сегодня в Германии в первую очередь необходимо возродить элементарную честность и порядочность». После этого он перечислял своему удивленному собеседнику, как это было и в случае с автором, факты беззакония и произвола со стороны нацистского режима и целый перечень того, что, по его мнению, было незаконным, безнравственным и совершенно непотребным в тех порядках, которые существовали в гитлеровской Германии. При этом он упоминал и те проблемы, которые лично у него существовали в отношениях с нацистами. Провожая в конце беседы гостя до дверей,

он показывал ему видный из окна его кабинета памятник Мендельсону, который стоял напротив здания городской ра­туши. «Вот одна из моих проблем, – говорил он. – Эти ко­ричневорубашечники добиваются от меня согласия на снос памятника. Но если они его хоть пальцем тронут, я немед­ленно подам в отставку». Менее чем через год Герделер до­казал, что он из тех, кто держит свое слово: когда в его от­сутствие памятник был снесен, он ушел в отставку. Такой способный управленец, как он, был желанным кандидатом на руководящую работу в крупных компаниях – ему немед­ленно поступило предложение занять высший исполнитель­ный пост в знаменитом концерне Круппа. Гитлер лично вме­шался, чтобы не дать этому назначению состояться. Крупп предложил Герделеру финансовую компенсацию – тот взял лишь на командировочные расходы, поскольку перед войной ему очень часто приходилось ездить за рубеж.

Герделера называли «главным мотором» оппозиции. С са­мого начала он стал безусловным лидером входивших в нее консервативно настроенных элементов. Как и большинство государственных служащих, он склонялся к отстаиванию на­циональных интересов; при этом он был сторонником вос­становления умеренной монархической власти. В свою оче­редь, для входивших в оппозицию либералов и социалистов, которые не были хорошо знакомы ни с ним, ни с его взгля­дами, было трудно согласиться с тем, чтобы именно Герде­лер возглавил в будущем коалиционное временное прави­

тельство в качестве канцлера. Однако по мере более близкого знакомства подобные опасения и настороженность сменялись доверием⁶.

Для тех, кто его знал, Герделер был воплощением надежности, честности, порядочности и справедливости. Нельзя было сомневаться в его искренности, когда он категорически выступал против «заговора внутри заговора», имевшего целью использование свержения нацистского режима для того, чтобы навязать народу Германии какую-либо форму правления против его воли. Немцам, подчеркивал он, должна быть предоставлена возможность самим свободно решать свою судьбу и определять свое будущее.

На последнем этапе существования оппозиции стала просматриваться некоторая тенденция поставить под сомнение лидерство Герделера. Однако носителями таких взглядов были не либералы или социалисты, а идеалистически настроенные молодые аристократы, которые выступали за более решительный разрыв с прошлым страны и практически полный отказ от него. Они считали, что Герделер слишком рьяно выступает за следование национальным традициям, и действительно, во взглядах и действиях Герделера внача-

⁶ Они убедились, что Герделер решительно настроен против любых проявлений неограниченной личной власти и всего, что могло привести к ней или хоть отдаленно ее напоминало. Среди муниципальных управленцев он выделялся тем, что был страстным приверженцем национальных традиций в управлении, а также активного привлечения к местному самоуправлению самого широкого круга граждан.

ле было много такого, что подтверждало подобное мнение. Однако опыт борьбы с самыми реакционными проявлениями крайнего национализма в политике Гитлера явился поистине очищающим как для него, так и для тех, кого раньше относили к «националистам»; в их мировоззрении произошли существенные изменения. Что касается лично Герделера, то таким переменам содействовали его многочисленные поездки за рубеж начиная с 1934 года; особенно способствовала большей широте его взглядов программа систематических зарубежных поездок, которые он осуществлял в 1937—1939 годах. В конце 30-х годов он пришел к убеждению, что международная обстановка того времени позволяла Германии обеспечить свои национальные интересы дипломатическими средствами. Своим друзьям в военных кругах он неоднократно говорил, что если начнется война, то единственным ее виновником будет нынешнее руководство Германии, и что в любом европейском конфликте Германия в конце концов неизбежно потерпит поражение.

Тем не менее, как по мнению молодых участников оппозиции, так и некоторых других, Герделер слишком упорно, если не сказать упрямо, придерживался консервативных взглядов. И хотя искренность его помыслов и действий, а также верность делу оппозиции не ставились под сомнение, все же не было полной уверенности в том, что он обладает достаточной гибкостью ума и готовностью внести поправки в свои идеалы, чтобы успешно решать те проблемы, с кото-

рыми пришлось бы столкнуться Германии после окончания войны.

К ценным качествам Герделера относили его умение быстро схватить суть происходящего, великолепную память, которая поражала следователей, допрашивающих его в тюрьме в 1944 году, а также то, что он являлся поистине неистощимым кладезем ценной информации. Однако, наверное, еще большую ценность представляли та преданность делу, энергия и решительность, с которыми он занимался делами оппозиции. Он поспевал буквально везде как в самой Германии, так и за ее пределами. В качестве прикрытия своей деятельности Герделер использовал работу на концерн Роберта Боша, штаб-квартира которого находилась в Штутгарте, который был знаменит на весь мир производством автомобильных запчастей и других разнообразных механических и электротехнических изделий.

Высокого роста, довольно крепкого сложения, в мягкой шляпе и просторном пальто, напоминавшем плащ-накидку, Герделер практически никогда не расставался со своей кривой тростью, чем в какой-то степени отвечал приставшему к нему прозвищу «цирковой наездник».

Доктор Франц Рейтер, один из немногих оставшихся в живых из тех, кто работал вместе с Герделером, так отзывался о неутомимой и разнообразной деятельности этого человека:

«Придя на работу, Герделер сразу заходил ко мне, и затем

все заслуживающее внимания направлялось моему начальнику (генералу Томасу). Среди прочего направлялось много писем и документов, а также материалы, касающиеся состояния нашего общего дела, информация по экономическим и военным вопросам, по проблемам, связанным с внутренним положением и внешней политикой.

В 1939 году и в последующие годы я встречал Герделера *сотни раз* и на Кюрфюрстенштрассе, и в моем частном офисе, и в доме, где я жил, который находился в довольно удаленном месте, и в гостинице, где Герделер постоянно находился».

То же самое могли сказать и другие люди, являвшиеся ключевыми фигурами в сборе разведывательной информации и поддержании контактов. Герделер использовал собранную информацию для подготовки многочисленных аналитических материалов и меморандумов, а также в личных контактах со многими людьми, которых он старался приободрить, «зарядить» на активную работу и помочь им найти свое место в общих усилиях по свержению нацистского режима. Однако, будучи «мотором» оппозиции, он работал чересчур «громко». При первом же общении с епископом Берлинским фон Прейшингом он заявил своему ошеломленному и напуганному собеседнику: «Нацистский режим должен быть искоренен». Когда Герделер был возбужден, он не мог сдерживаться и говорил очень громко и эмоционально. И лишь преданность его сотрудников и друзей позволяла из-

бежать катастрофических для него последствий. Один офицер, который встретился с Герделером в доме знаменитого хирурга Фердинанда Шауэрбуха, пришел в ужас, когда услышал, как шофер Герделера по дороге домой спросил: «Когда же все это кончится? Когда убьют Гитлера?» Этот человек сидел на кухне вместе с хозяином дома и слышал часть того, что Герделер говорил в соседней комнате.

То, что арест Герделера до лета 1944 года даже не рассматривался, остается одной из самых удивительных загадок, связанных с оппозицией. Некоторые из его друзей считали, что разгадка заключалась в том, что, по мнению гестапо, громко лающая собака навряд ли сможет укусить. Вероятнее всего, тот огромный авторитет, которым Герделер пользовался в высших политических, военных и деловых кругах, содействовал тому, что нацисты воздерживались от каких-либо действий против него без исчерпывающих доказательств и улики.

Авторитет Герделера в тех кругах, сотрудничество и поддержка со стороны которых были очень важны для оппозиции, также был одной из причин того, что в оппозиции закрывали глаза на отсутствие какой-либо осторожности со стороны Герделера. Другим серьезным и опасным недостатком Герделера было то, что он нередко выдавал желаемое за действительное. Хотя его постоянный и неистощимый оптимизм помогал поддерживать дух соратников в минуты уныния и разочарования, даже его друзья скептически относи-

лись к его прогнозам и оценкам. Однако он обладал такой моральной силой и таким авторитетом, что люди тянулись к нему, как ни к какому другому участнику оппозиции. Поистине с евангельским жаром и страстностью бичевал он преступное беззаконие, бесчеловечность нацистского режима, коррупцию, в которой тот погряз. Никто с таким жаром, доводя буквально до белого каления себя и окружающих, не обрушивался на зверства нацистов по отношению к евреям, а позже и к другим поработленным народам, на неслыханные издевательства и изуверства, творившиеся в концлагерях. В значительной степени благодаря Герделеру появился еще один пункт, по которому, помимо стремления не допустить внешних авантюр, точки зрения различных групп оппозиции совпадали и который являлся еще одним общим знаменателем, связывающим и цементирующим разрозненные группы в единое целое. Таковым было требование *честности и порядочности*, о чем столь красноречиво говорил в своих выступлениях Герделер. Отдельные обиды и недовольство тех или иных групп оппозиции, их особые, подчас весьма эгоистические интересы вполне укладывались в страстный призыв соблюдать старые традиционные принципы, что являлось наиболее широкой платформой для объединения. Таким образом, концепция «честной Германии» (иногда ее формулировали, как «другая Германия») очень помогла в преодолении распрей внутри оппозиции и обеспечении согласованности ее действий. Под этим знаменем все оппози-

ционные силы – католики и протестанты, правые, левые и центристы, военные и гражданские – могли без труда найти общую основу для совместной борьбы.

Благодаря «моторной» энергии Герделера началу слабые, глубоко законспирированные и в значительной степени бездействующие и не связанные между собой оппозиционные группы стали постепенно укрепляться и устанавливать между собой рабочее взаимодействие, хоть этот процесс и шел весьма медленно. В то же время определялись ключевые фигуры в трех основных секторах оппозиции, ее главных составляющих, которые сохранили роль ядра и основных оппозиционных центров во втором «раунде».

Политическая составляющая оппозиции

Ввиду того что в оппозиции были представлены самые разнообразные общественные слои и группы, весьма трудно дать какие-то четкие определения ее общей направленности; как представляется, наиболее удачным будет словосочетание «политическая составляющая». В нее входили как представители партий, сохранившихся с времен Веймарской республики, так и граждане, не входящие ни в какие партии и представляющие самые разнообразные профессиональные слои: предприниматели, юристы, профсоюзные лидеры и учителя. Все они объединялись вокруг группы Герделера, которая являлась своего рода естественным центром оппозиции. Члены этой группы регулярно встречались раз в неделю или две в Берлине, в доме доктора Альфреда Небгена. Вначале в этой группе были в основном представлены правые и центристы. Неоценимый вклад в работу группы внесли католики-центристы, поскольку у них уже имелись налаженные связи с представителями бывших христианских (католических) профсоюзов. Руководители этих профсоюзов могли успешно устанавливать контакты с теми, кто занимал в свое время ведущие позиции в свободных (социал-демократических) профсоюзах. Таким образом, Герделер получил возможность со временем рассчитывать на сотрудничество со

стороны тех, кто придерживался умеренно левых взглядов и кто вначале без всякого энтузиазма относился к перспективе того, чтобы Герделер стал канцлером. Впоследствии группа Герделера установила связи практически со всеми оформившимися некоммунистическими силами, которые играли более или менее значимую роль после захвата власти Гитлером.

Оппозиция внутри МИДа

Рост оппозиционных настроений внутри внешнеполитического ведомства шел шаг за шагом по мере расширения политической составляющей оппозиции в целом и вовлечения в ее деятельность все большего числа людей по всей стране. У работников этого ведомства, как ветеранов, так и молодых, за исключением тех, кто буквально только что появился на дипломатической службе, были все основания с лихвой вернуть Гитлеру его презрение, отвращение и ненависть к дипломатической службе и работникам внешнеполитического ведомства⁷.

Сотрудники внешнеполитического ведомства обладали глубокими и разносторонними знаниями и профессиональной подготовкой, а также были хорошо знакомы с положением дел в странах, где отсутствовали тоталитарные порядки; поэтому они обладали достаточным иммунитетом против тех штампов и идеологических установок, которые фанатично пытались вдалбливать немцам нацисты. Одним из наи-

⁷ Гитлер с презрением относился ко всем ведомствам и службам, в работе которых требовался высокий профессионализм, поскольку видел в них вызов его «избранности» как «гениального самородка», интуиция которого стояла, как он считал, намного выше, чем профессиональная подготовка и богатый профессиональный опыт. С еще большим отвращением и презрением, чем к дипломатам, он относился лишь к юристам, которые всегда удостаивались наиболее ядовитых и злобных выпадов с его стороны.

более характерных подтверждений этого является тот факт, что, несмотря на активное идеологическое давление, которое нацисты осуществляли в течение почти двенадцати лет, практически весь руководящий состав МИДа и дипломаты старшего звена не изменили своему вероисповеданию. Гауляйтер (руководитель районного отделения нацистской партии) Бохль, главный «надсмотрщик» нацистов в министерстве, раздраженно писал шефу полицейских служб рейха Гиммлеру 25 сентября 1944 г., что 625 из 690 сотрудников высшего звена по-прежнему считают себя протестантами (506 человек) или католиками (119). И только 65 человек, в основном нацистские партийные назначенцы или представители Союза нацистской молодежи, написали в анкетах, что они «верующие», что на самом деле говорило о прямо противоположном. По мнению Бохля, это означало, что 625 сотрудников высшего звена внутренне отвергают национал-социализм.

Конечно, в дипломатической среде существовала дистанция огромного размера между внутренним неприятием режима и готовностью активно бороться с ним. Сторонников борьбы было, к сожалению, крайне мало, хотя многие готовы были немедленно «разбежаться» в случае свержения Гитлера. К тем нацистским назначенцам, которых Гитлер направлял присматривать за дипломатами, относились с презрением и пренебрежением, смешанным с высокомерием и чувством собственного превосходства. В первые годы находде-

ния фашистов у власти удавалось предотвращать активное вмешательство нацистов в профессиональную работу ведомства благодаря главным образом государственному секретарю (заместителю министра иностранных дел) Бернхарду фон Бюлову. Однако после его смерти в 1936 году противостоять нацистам столь же эффективно уже не удавалось. Сдерживающие барьеры окончательно рухнули с назначением на пост министра иностранных дел в феврале 1938 года самодовольного, тщеславного и властного Иоахима фон Риббентропа. Единственным «лучом света в темном царстве» было назначение на пост госсекретаря барона Эрнста фон Вайцзеккера.

Казалось бы, если смотреть с точки зрения Риббентропа, назначение Вайцзеккера его замом выглядело странным: ведь Вайцзеккер был сторонником всего того, что пытался искоренить в МИДе Риббентроп. Однако единственной альтернативной кадровому дипломату на этой должности был бы назначенец от нацистской партии, который мог бы стать прямым конкурентом Риббентропа. Последний и так был весьма недоволен наличием в его ведомстве должности «надсмотрщика» в лице гауляйтера, на которой активно работал Бохль. А поскольку наиболее высокую дипломатическую должность из кадровых дипломатов занимал в то время Вайцзеккер, то именно он и был одним из главных претендентов на пост госсекретаря. К счастью для оппозиции, Риббентроп, практически ничего не знавший о Вайцзеккере, обратился за информацией к Эриху Кордту, руководите-

лю коллегии МИДа. Кордт, который видел Риббентропа насквозь и умел читать его намерения и устремления, отметил, что Вайцзеккер будет в случае его назначения на этот пост «более чем просто подчиненный»; ведь он в прошлом был морским офицером и поэтому «знает, как подчиняться и выполнять приказы». Это как раз было то, чего хотел Риббентроп, который тут же, придав своему лицу выражение крупного государственного деятеля, огласил свое решение: «Так он умеет подчиняться и выполнять приказы? Тогда приглашите его сегодня пообедать со мной».

То, что Вайцзеккер хорошо разбирался в политических и общественных вопросах, в значительной степени объяснялось семейными традициями – он был сыном премьер-министра бывшего королевства Вюртембергского. Его служба во флоте во время Первой мировой войны на высоких офицерских должностях, включая штабную работу, расширила его кругозор. Поступив на дипломатическую службу в середине 20-х годов, он уверенно чувствовал себя на любой из должностей во внешнеполитическом ведомстве, которую ему приходилось занимать, и в 1936 году получил должность руководителя политического департамента, которая считалась третьей по значимости из всех должностей МИДа. Что же касается его антипатии к нацизму, то это было в значительной степени вызвано тем, что за рубежом ему пришлось работать с людьми, придерживавшимися разумных политических взглядов, – со швейцарцами, датчанами и норвежца-

ми. Когда он вернулся в Берлин из своей последней заграничной командировки, где занимал пост советника в германском посольстве в Берне, внутри МИДа уже шло формирование оппозиционного ядра вокруг Эриха Кордта. А в 1938 году, когда Вайцзеккер занял пост государственного секретаря, он стал основной опорой и в конце концов руководителем оппозиционного кружка внутри министерства.

Эрих Кордт и его брат Тео, оба родом из Рейнской области и ревностные католики, продолжали играть активную роль в оппозиции внутри внешнеполитического ведомства. Именно Эрих Кордт подготовил по согласованию с Вайцзеккером ноту в адрес Англии во время Мюнхенского кризиса, в которой призывал англичан занять максимально жесткую позицию. А Тео Кордт, работавший в то время временным поверенным в Англии, доставил ее вечером 7 сентября 1938 г. на Даунинг-стрит, английскому министру иностранных дел лорду Галифаксу. Несколько ранее, в 1934 году, Эрих Кордт получил первое серьезное задание от группы Сопrotивления внутри министерства – противодействовать вмешательству Риббентропа в работу внешнеполитического ведомства. Этот все более и более входивший во вкус «достойный государственный деятель» хотел прибрать к рукам как можно больше полномочий во внешнеполитических вопросах после того, как стал главным полномочным представителем рейха на переговорах по разоружению. Вскоре он добавил к этому титулу еще один, звучащий туманно,

но угрожающе: «специальный заместитель фюрера по внешнеполитическим вопросам». Для того чтобы держать этого незваного гостя, буквально вторгшегося в министерство, на дистанции, а по возможности и сбить с него спесь, госсекретарь фон Бюлов решил приставить к нему кадрового дипломата; его выбор пал на Кордта. Подобное «назначение» было чревато немалыми и подчас рискованными осложнениями, и Кордт лишь пунктуально выполнял указания Бюлова, испытывая при этом большие опасения и дурные предчувствия. В частности, Кордту были даны инструкции вообще не вносить никаких поправок и изменений в текст документов, которые Риббентроп направлял Гитлеру⁸.

Представители оппозиции находились в плену естественной иллюзии, что такая посредственная личность, как Риббентроп, не обладавший системным умом, стиль документов которого был высокопарным и хаотичным, без помощи профессионального дипломата быстро продемонстрирует свое несоответствие занимаемой должности. Однако фюрера вполне устраивал тот «поток сознания», который находил отражение в документах, в изобилии поступавших к

⁸ Об этом Кордт рассказал автору в беседах с ним, состоявшихся в декабре 1945 г. Эти беседы нельзя назвать обычными беседами или интервью, как нельзя назвать и допросами, поскольку Кордт не был военнопленным. По инициативе автора, работавшего тогда в госдепартаменте США, Кордт был доставлен в Германию из Китая, где он находился на дипломатической работе, чтобы поделиться исторически важной информацией, а также выступить в качестве свидетеля, когда во время Нюрнбергского трибунала слушалось дело Риббентропа.

нему от Риббентропа, как с точки зрения стиля, вполне отвечающего вкусам самого Гитлера, так и с точки зрения содержания. И к ужасу сотрудников министерства, акции Риббентропа в рейхсканцелярии постоянно росли.

В последующие годы Кордту нередко приходилось работать непосредственно с Риббентропом и он получил хорошее представление о существе, основных направлениях, а также формах и методах внешней политики нацистов. Поэтому совершенно естественно, что он стал одной из ключевых фигур оппозиции, сформировавшейся внутри МИДа. Бросается в глаза, что лидерами оппозиции были в основном молодые люди. Все они родились в XX веке и начали дипломатическую службу в десятилетие с 1925 по 1935 год. Безусловно, многие из их старших коллег относились к нацизму враждебно, даже с отвращением – как к его теории, так и к практике. Однако они «обюрократились» и были слишком озабочены сугубо личными вопросами – кто ждал назначения послом, кто дополнительных привилегий и льгот при выходе на пенсию, – чтобы активно противостоять нацистскому режиму, не говоря уже о прямой подпольной борьбе. Люди следующего за ними поколения были менее восприимчивы к «трелям» Гитлера, причем они обладали в этом плане более сильным иммунитетом и по сравнению с самым молодым поколением дипломатов. Гиммлер как-то заметил в этой связи, что как поколение Первой мировой войны, так и нынешнее является «замечательным». А вот тех, кто сформировал-

ся в 20-х годах, он назвал «ненадежными». По этому поводу один из членов «кружка Вайцеккера» заметил, что Гиммлер сказал правду, поскольку представители «ненадежного» поколения «достаточно молоды, чтобы иметь желания, и достаточно зрелы, чтобы думать».

Эти люди тянулись к Вайцеккеру за вдохновением, советом и защитой. Для них он был «добрым духом» министерства, началом и силой, противостоящей Риббентропу.

Безусловно, их доверие и поддержка Вайцеккера возрастали по мере того, как он содействовал назначению на ответственные посты в министерстве, а также привлечению к серьезной работе внутри оппозиции именно представителей этой возрастной группы. По мнению Вайцеккера, ветераны дипломатической службы были слишком закостенелыми во взглядах и подходах к работе и не обладали достаточной восприимчивостью к новому и достаточной способностью к поиску творческих и нестандартных решений, необходимых для того, чтобы справиться с проблемами и вызовами, которые неизбежно встали бы перед Германией после смены режима. Людям из своего ближайшего окружения он неоднократно говорил, что именно те, кому от двадцати до сорока, будут востребованы «на передовой» для решения этих задач. До начала войны, особенно при поддержке Альбрехта фон Кесселя в качестве посредника, он сумел привлечь многих представителей этой возрастной группы для работы внутри Сопротивления в целях поддержки мира и предотвращения

войны.

В этом вопросе Вайцзеккеру было легче заручиться поддержкой широкого круга людей, которые не могли открыто выступать против нацистского режима. Это совпадало с подходом и системой приоритетов и самого госсекретаря. Его собственное неприятие и ненависть к нацистскому режиму активно выражались в первую очередь в борьбе за сохранение мира, а после начала войны – за его восстановление. Эта тема проходит красной нитью через все его воспоминания, написанные после войны; это же подтверждается свидетельствами из самых разнообразных кругов и источников. Ни во время Мюнхенского кризиса, ни в последующие годы он не давал ни малейшего повода быть причисленным к наиболее решительным и готовым на крайние меры представителям оппозиции, которые были согласны использовать и войну, «если это приведет к свержению Гитлера». Однако он делал все, что было в его силах, использовал любую возможность, чтобы заручиться поддержкой среди представителей самых разных взглядов и мировоззрений с целью предотвратить катастрофу, к которой, по его убеждению, Германию со все возрастающей скоростью толкала политика Гитлера. Возможно, еще будет написана история (и она должна быть написана) о возникшем тайном триумvirате «апостолов мира», к которому помимо Вайцзеккера относились швейцарец Карл Буркхардт и итальянец Бернардо Аттолико.

Буркхардт, видный историк, ярко выделялся как своими

внешними данными, так и интеллектом.

В 1937 году он неохотно согласился занять пост верховного комиссара Лиги Наций в Данциге, взвалив тем самым на себя тяжелую и неблагодарную ношу. На его окончательное согласие в значительной степени повлияли заверения в поддержке его деятельности на этом посту со стороны Франции, а также просьбы со стороны Вайцзеккера, который сделал все от него зависящее, чтобы с этим назначением согласились в Берлине. Было непросто убедить Гитлера не делать скандала из очередного назначения Лигой Наций своего представителя в городе, который фюрер считал частью германской территории. Буркхардт и Вайцзеккер быстро подружились во время деловых командировок последнего в Швейцарию, и теперь Вайцзеккер красноречиво убеждал своего друга, что в Данциге решается судьба мира в Европе и что этот вопрос может стать важнейшим в отношениях между Германией и Польшей. А поэтому Буркхардт должен согласиться на это назначение, получив таким образом возможность внести активный вклад в предотвращение войны. Также активно убеждал Буркхардта занять этот пост и Джузеппе Мотта, руководитель политического департамента МИД Швейцарии. Мировая обстановка в мире и новая расстановка сил в Европе складываются так, подчеркивал он, что само существование Швейцарии ставится под угрозу.

Заняв этот пост, Буркхардт быстро понял, что он отнюдь не переоценивал связанные этим назначением трудности. Он

оказался буквально зажатым между откровенными политическими интригами и махинациями нацистов, с одной стороны, и твердолобостью, отсутствием гибкости и недальновидностью польского руководства – с другой. В часто возникавших сложных и почти тупиковых ситуациях единственным утешением и «лучом света» для него была твердая и постоянная поддержка со стороны Вайцзеккера. Связь между собой они поддерживали через графа Ульриха фон Шверин–Шванefeld, одного из молодых дипломатов, входивших в окружение Вайцзеккера, у которого в Данцигском «коридоре» было поместье, и его появления там не должны были вызывать вопросов. Однако, когда выяснилось, что за Шверин–Шванefeldом установлено наблюдение, Буркхардт предложил Вайцзеккеру прибегнуть к зашифрованной переписке, смысл которой был бы ясен только им⁹. Более двух лет и Буркхардт, и Вайцзеккер не жалели сил, чтобы попытаться сгладить польско–германские противоречия и таким образом разогнать все более сгущавшиеся тучи военного конфликта. В ходе их сотрудничества Буркхардт получил представление об оппозиции внутри германского МИДа, как

⁹ Письма Буркхардта были полны иронии, и временами он умышленно копировал стиль выступлений Артура Грейзера – нациста, председателя Законодательного собрания Данцига. Буркхардт был весьма разочарован тем, что после войны американские издатели опубликовали эти письма среди прочих документов германского МИДа времен нацистского режима, не связавшись предварительно с ним и не получив соответствующих пояснений, без которых эти письма выставляют в карикатурном свете и Буркхардта, и Вайцзеккера.

бы заглянув внутрь ее. В результате он фактически присоединился к оппозиции, оказывая помощь и содействие в ее работе; так, однажды он спешно выехал в Берн по заданию Вайцзеккера для того, чтобы передать послание оппозиции английскому правительству.

Последним в этом трио, в котором каждый считал сохранение мира своим личным долгом, был посол Италии в Берлине Аттолико. Трудно представить себе кого-либо внешне менее всего похожего на дипломата, нежели Аттолико. Встретившемуся с ним в коридорах МИДа могло показаться, что это какой-то рассеянный профессор, который забыл дома шляпу, трость и пальто, заблудился и не знает, куда идти дальше. Это впечатление еще более усугублялось его сутулостью, что часто бывает с близорукими людьми, которые как бы опасаются на что-нибудь налететь. Однако за толстыми стеклами очков живо сверкали глаза, в которых читались ум и чувство юмора. Очень скоро окружение Вайцзеккера смогло убедиться в живости ума и проницательности итальянского дипломата. Аттолико не говорил по-немецки, и круг его знакомых в Берлине был довольно узок. Поэтому он был очень разборчив в контактах и устанавливал доверительные отношения лишь с теми официальными лицами, к которым испытывал уважение. Именно такого рода отношения установились у него с Вайцзеккером и Эрихом Кордтом; очень скоро они переросли в откровенно дружеские. Их взгляды не только сходились в определении общей цели – сохранить

мир, но и в методах ее достижения. По их мнению, дальнейшее укрепление итало–германских связей способствовало бы созданию порочного круга, когда оба диктатора поддерживали бы друг друга в проведении авантюристической политики. В своем противодействии этому зловещему «сотрудничеству ради агрессии» они нашли единомышленника в лице немецкого посла в Риме Ульриха фон Хасселя и могли рассчитывать на его поддержку, пока его самого не отозвали из Рима за «равнодушие» к укреплению итало–германского сотрудничества и недостаточное рвение в этом вопросе. В том, что в 1939 году Италия временами выступала в качестве тормоза, а не стимулятора внешнеполитических авантур Гитлера, личная заслуга принадлежала, безусловно, Аттолико.

Связующим звеном между Буркхардтом и Аттолико, каждый из которых по мере своих сил и в рамках своих профессиональных обязанностей пытался сделать все, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу, являлся Вайцзеккер. Благодаря ему они не только поддерживали связь между собой, но и черпали силы и уверенность в своей деятельности – это было настоящее триединое целое. Буркхардт, который пережил войну, публично подтверждал это. Аттолико, умерший в 1942 году, высказал свое мнение о роли германского госсекретаря во время встречи с Буркхардтом, организованной весной 1939 года польским послом в Берлине Йожефом Липским. Его мнение дошло до нас в сле-

дующем изложении Буркхардта:

«Я болен, – сказал мне Аттолико, – и жить мне осталось недолго. Я надеялся, что мне удастся пожить последние несколько лет просто для себя, вырвавшись из этой ужасной атмосферы. Но я не могу сделать это. Я должен предпринять все, что в моих силах, чтобы остановить это безумие, этот преступный безумный кошмар, я имею в виду угрожающий разразиться конфликт между Германией и Польшей. Сейчас все поставлено на карту: мы стоим на пороге Второй мировой войны». Он говорил быстро и страстно, его дыхание сбивалось, и он держался за сердце, как будто чувствовал сильную боль. «Однако все вокруг, – продолжал он, – погрязли в заговорах, везде люди буквально сами жаждут катастрофы. Поляки сами ужасно осложняют нам работу, ну а здесь, в Берлине, нам приходится иметь дело с опасными и безответственными идиотами, которые ничего не понимают в современном мире, не отдают себе отчета в том, что одного выстрела достаточно, чтобы выпустить наружу те силы, которые неизбежно приведут к новой мировой войне с роковыми и ужасными последствиями». Он отвернулся и заговорил более спокойно: «В Италии ситуация не намного лучше. Здесь нет серьезных, зрелых и ответственных людей; нет настоящей дипломатии. Все выходит из-под контроля; влияние Берлина становится все более и более определяющим, а это может иметь роковые последствия».

«Силы оппозиции в Германии достаточно сильны, и они

растут, – ответил я Аттолико. – Каждый день ко мне приходят люди, которые крайне возбуждены и взбудоражены, полны горечи и отчаяния и готовы практически на все». Я привел ему целый ряд конкретных примеров, с которыми мне пришлось столкнуться за последнее время.

«Те, о ком вы рассказали, – сказал итальянский посол, – консерваторы, офицеры, иногда социалисты, – все это в основном случайные люди; их действия бессистемны, они никак не организованы, у них нет четких целей и задач. Они опрометчивы и неосторожны. Немцы никудышные конспираторы. Для хорошего конспиратора требуется то, чего у них нет: выдержка и терпение, знание людей, психологизм, такт. Нет, они все закончат в тюрьмах и концлагерях. Нельзя рассчитывать на открытое выступление против режима, который в любой момент готов применить против противников любые доступные для него средства. В подобной ситуации нужна огромная выдержка, ловкость, хитрость и притворство, какими обладали Талейран и Буше. Но где вы здесь найдете Талейрана?!

Впрочем, есть один человек, – вдруг очень мягко сказал он, наклонившись поближе ко мне. – Да, есть один человек. Вы его знаете; и ему приходится вести очень сложную и опасную игру. Он является немецким патриотом, но по мировоззрению, подходам и манерам он настоящий европеец. Он делает все, чтобы предотвратить войну, и делает это с таким упорством и настойчивостью, что это вызывает восхищение.

Причем он работает виртуозно, не давая никаких поводов к обвинениям, и умело обходит все сложности и подводные камни. Однако для него большую опасность представляет то, что работающие рядом с ним так называемые «конспираторы» проявляют удивительную неосмотрительность, наивность и неосторожность. Возьмите, например, такого человека, как Хассель, который много говорит и выражает недовольство совершенно открыто... Именно такие люди и представляют опасность для человека, о котором я говорю; как вы поняли, я говорю о Вайцзеккере. Он поддерживает контакты с Фричем, Бекон, Витцлебенем, а также с тем же Хасселем; но если он хочет добиться своей цели, ему неизбежно придется пожертвовать своими отношениями с кем-то из них».

«А какова его цель?» – спросил я. Посол медленно возвел обе руки вверх. «Его цель, – ответил он, – такая же, как и у меня: предотвращать, предотвращать и еще раз предотвращать войну! Вы знаете, – сказал он, – все остальное проще. Самое легкое – уехать в эмиграцию и выступать отсюда с протестами. Однако и открытое выступление, и заговор требуют меньше сил, выдержки и мужества, чем кропотливые ежедневные попытки выжать что-либо из суровой повседневной реальности, действуя безо всякого пафоса, делая монотонную черновую работу, вновь и вновь терпя поражения, но также вновь и вновь поднимаясь на борьбу снова и продолжая делать ту же работу; стиснув зубы, заставляя себя делать то, что вызывает порой неприязнь и отвращение».

щение, причем делая это с упорством и безо всякой личной или корыстной заинтересованности, соблюдая при этом бдительность и осторожность, всегда находясь начеку и сохраняя выдержку в атмосфере постоянного напряжения. Представьте себе на минуту, что это значит – иметь такого начальника, как Риббентроп. Ведь это совершенно невежественный человек, абсолютно не разбирающийся ни в истории, ни в международном праве, ни в экономике. Он самый настоящий дилетант и при этом еще и весьма посредственная личность, обладающая способностями явно ниже средних. Он тем и опасен, что, чувствуя все это, пытается компенсировать свое профессиональное неумение злоупотреблениями властью, которой он обладает, и ставкой на грубые силовые методы. В этом он находит своего рода «утешение». Он всегда пытается довести ситуацию до крайностей, всячески потакая примитивным устремлениям своего ненормального шефа – Гитлера... И с таким человеком Вайцеккеру приходится находиться рядом и работать изо дня в день, пытаюсь в меру сил создать хоть какой-то противовес его невежеству и сумасбродным выходкам...

Вы спросили, какова его цель, чего он хочет и добивается. Того же, чего и я – предотвратить войну, чего бы это ни стоило. В Мюнхене это получилось – тогда еще никто не был готов воевать. Получится ли снова? Захват Праги – это уже слишком, это, конечно, неприемлемо. До этого Вайцеккер сделал все возможное, чтобы отговорить Гитлера от этой

затеи и убедить его придерживаться Мюнхенского соглашения. Он говорил максимально откровенно – насколько это было возможно с этим маньяком–одиночкой, этим тираном, постоянно извергающим что–то на грани бреда. А теперь представьте на минуту, сколько ему придется сделать, чтобы избежать решающей катастрофы, которой была бы война с Польшей. Он должен обладать точной информацией, хоть это и дьявольски трудно, о приготовлениях СС, о разрабатываемых тайных операциях с их участием... Нет, я испытываю полное доверие к Вайцзеккеру – только к нему одному».

На вопрос Буркхардта о том, что такой человек, как Вайцзеккер, станет делать, если в августе разразится война, Аттолико ответил, что он должен обязательно остаться в этом случае на своем посту, поскольку лишь он сможет попытаться что–то предпринять и добиться. Аккуратно действуя «из–за кулис», он смог бы помочь избежать многих опасностей, предотвратить немало зол и спасти жизни многих людей.

«Я говорю с вами предельно откровенно, как мужчина с женщиной, и очень рассчитываю на то, что вы сделаете все от вас зависящее, чтобы не допустить, чтобы произошел полный разрыв из–за Данцига. Очень прошу вас не идти по легкому пути – в знак протеста уехать из Данцига. До конца, до крайнего предела пытайтесь сглаживать острые углы, умиротворять обе стороны, убеждать их воздержаться от конфликта».

Предсказание Аттолико о том, что на своем посту Вайц-

зек–кер будет держаться до конца, подтвердилось не полностью. Его слова о том, что работа с таким непереносимым человеком, как Риббентроп, – это ежедневные мучения, оказались не преувеличением. Много раз госсекретарю приходилось обращаться с просьбой об отставке, и бесчисленное множество раз он действительно был настроен уйти. Лишь просьбы со стороны оппозиционеров понуждали его остаться на своем посту. Для оппозиции Вайцеккер был не только авторитетом и опорой; они также считали, что, будучи хорошо знаком со всеми тонкостями и нюансами политики на высшем уровне, он, как никто другой, сможет успешно провести переговоры о мире в случае переворота и свержения Гитлера¹⁰.

Также принимались во внимание тесные связи Вайцеккера с оппозиционно настроенными людьми среди военных и его высокий авторитет в официальных кругах.

Льюис Нэмир в своей работе, рассказывающей о нацистской Германии, поставил под сомнение то, насколько искренне и реально Вайцеккер выступал против гитлеровского режима. Подобный подход основан главным образом

¹⁰ Такие занимавшие ответственные посты дипломаты, как Хассель и германский посол в Москве граф фон Шуленбург, часто рассматривались в кругах оппозиции как кандидаты на пост министра иностранных дел. Но поскольку, согласно оценкам в этих же кругах, от этих дипломатов можно было ожидать весьма прохладного отношения к своим обязанностям и не рассчитывать на особую активность с их стороны, то приоритет отдавался кандидатуре Вайцеккера, который к тому же был прекрасно знаком со всеми нюансами текущего положения дел.

на опубликованных архивных материалах германского МИДа, однако эти документы использовались оппозицией не для того, чтобы продемонстрировать свои истинные взгляды, помыслы и намерения, а как раз наоборот, для того, чтобы их скрыть. Гораздо более серьезным и надежным источником для выводов являются практически единодушные свидетельства участников Сопротивления, работавших во внешнеполитической сфере, в том числе и в МИДе, которым удалось пережить войну.

Оппозиция среди военных

Первые отдельные попытки (в общем—то случайные и бес-системные) обратить внимание ключевых фигур из высшего военного руководства на все возрастающий экстремизм и авантюризм нацистов и на все более опасный крен их внешнеполитического курса делались еще в 1936 году.

Главным адресатом таких обращений было Верховное командование сухопутными силами (ОКХ).

Возглавляемые Герингом ВВС (люфтваффе), — детище самого Гитлера, практически полностью являлись составной частью нацистской машины. Военно—морские силы, пострадавшие от Версальского договора еще в большей степени, чем сухопутные, были благодарны новому режиму за освобождение от «кандалов», которыми в известной степени являлись ограничения, наложенные на них англо—германским соглашением от 18 июня 1935 года. Руководители ВМС были привержены нацистскому режиму в меньшей степени, чем руководство военно—воздушных сил, но в большей — по сравнению с руководством сил сухопутных.

Отношение к Гитлеру со стороны военных, включая высший офицерский состав, изначально было неоднозначным. С учетом традиций и мировоззрения, характерных для военной касты, они с презрением и негодованием относились к примитивно—упрощенческим взглядам и подходам наци-

стов к общественным вопросам в целом, к их откровенному авантюризму в экономических и культурных вопросах. Они, с одной стороны, были сторонниками «сильной руки», но в то же время у них вызвали опасения явные признаки узурпации власти и даже откровенной тирании. Первые годы пребывания Гитлера у власти создавали в целом обнадеживающее впечатление по поводу его внешнеполитического курса, однако уже тогда появились тревожные сигналы необоснованного риска и откровенного авантюризма в этой области, что проявилось в поддержке путча местных нацистов в Австрии в 1934 году.

Вызывала настороженность и политика Гитлера в вопросах религии. Однако все это уравнивалось в глазах военных фактической денонсацией Гитлером Версальского договора и тем, что он с еще большим рвением, чем они сами, осуществлял укрепление и перевооружение вооруженных сил в соответствии с той программой, которая была разработана и активно претворялась в жизнь. В июне 1934 года он провел кровавую чистку коричневорубашечников – штурмовиков СА, являвшихся полицейскими военизированными формированиями нацистской партии, чтобы взять под свой контроль все силовые структуры и военизированные формирования в стране. И хотя при этом были убиты и некоторые военные, в частности генералы Шлейхер и фон Бредов, военное руководство фактически посмотрело на это сквозь пальцы, исходя из того, что «лес рубят – щепки ле-

ТЯТ».

В середине 30-х годов весь офицерский корпус был захвачен процессом стремительного перевооружения армии и ее значительным укреплением – это сопровождалось новыми назначениями для многих из них и общим повышением статуса военного в обществе. Этот период в истории Третьего рейха (1934—1936 гг.) характеризовался умеренностью и сдержанностью; даже самые ярые критики нацистского режима считали, что он на пути к тому, чтобы «остепениться» и стать политически зрелым и ответственным. Первым сигналом и поворотным пунктом, свидетельствующим о готовности Гитлера к рискованным и авантюрным внешнеполитическим шагам, было введение войск в демилитаризованную Рейнскую область, хотя операция и прошла успешно и могла быть занесена Гитлером в его актив.

Среди наиболее информированной части высших военных кругов уже было известно, что Гитлер стал все более откровенно говорить о необходимости и неизбежности войны как средства для выполнения тех задач, которые он ставил перед Германией. Другой момент, вызывавший беспокойство, был связан с экономическим курсом нацистов, который называли «бандитской» или «грабительской» экономикой. Этот курс истощал и растранижил национальные ресурсы; форсированный экономический рост, обеспечивавшийся принудительной трудовой мобилизацией и другими подобными методами, являлся в значительной степени неесте-

ственным и грозил полным экономическим крахом после перегрева экономики в ходе этого неэкономического подстегивания ее роста.

Для того чтобы разъяснить максимальному количеству военных, особенно тем, кто работал в Генштабе, что на самом деле происходит, руководители оппозиции организовали своего рода просветительскую кампанию. Были, в частности, подключены министр экономики Ялмар Шахт, а также генерал Георг Томас, являвшийся руководителем департамента военной экономики, входившего вначале в состав военного министерства, а после расформирования этого министерства – в состав Верховного командования вооруженными силами. Шахт говорил перед офицерской аудиторией предельно откровенно, порой настолько, что это вызывало изумление, что бы о нем ни говорили и как бы к нему ни относились, никто никогда не мог обвинить его в недостатке мужества. Томас в ряде своих выступлений говорил о возможности успеха в случае «молниеносной войны», однако подчеркивал при этом, что при затяжном конфликте Германия окажется в очень уязвимом положении.

Шок и потрясение от захвата Рейнской области в 1936 году затмила история с Бломбергом и Фричем в 1938 году: оба эти генерала вынуждены были покинуть свои посты из-за скандалов, связанных с их личной жизнью. Фельдмаршал Вернер фон Бломберг, военный министр и главнокомандующий вермахтом (вооруженными силами Германии), при под-

держке Геринга и с разрешения Гитлера женился во второй раз, взяв в жены женщину, которая до этого была его любовницей. Сразу после свадьбы стали распространяться слухи о прошлом фрау Бломберг; оказалось, что в полиции на нее имелось досье, и данные этого досье были сообщены Герингу, а он, в свою очередь, сообщил об этом Гитлеру. За этим последовало увольнение Бломберга и встал вопрос о его преемнике. По здравой логике основным претендентом на этот пост был Вернер фон Фрич, пользовавшийся авторитетом главнокомандующий сухопутными силами; именно с этого поста становились в прошлом военными министрами как Германии, так и Пруссии. Однако Гитлер менее всего хотел видеть на этом посту Фрича, который постоянно противодействовал политике Гитлера и являлся своего рода тормозом и препятствием для ее активного осуществления. История навряд ли ответит на вопрос, явилось ли то, что произошло потом, счастливым стечением обстоятельств для Гитлера, или же все это было им спланировано с самого начала. Именно в этот наиболее подходящий для фюрера момент и произошёл второй скандал. На основании данных, предоставленных людьми Гимmlера, Фрич был обвинен в гомосексуализме. Благодаря энергичным усилиям оппозиции, центр которой находился в абвере (военная разведка), все эти обвинения были сняты как не имеющие под собой никаких оснований, но Гитлер успел воспользоваться ситуацией и достичь того, чего хотел: Фрич был уволен со

своего поста, военное министерство было вообще упразднено, вместо него создано Верховное командование вооруженными силами (ОКВ), а главнокомандующим Гитлер назначил самого себя. Начальником штаба он умышленно утвердил Вильгельма Кейтеля, получив на него характеристику как на ничтожную личность, совершенно лишенную творческого, созидательного мышления, который умел лишь много работать и послушно выполнять приказы. Геринг, вполне вероятно, потому и поддержал Бломберга, когда тот сделал неосторожный шаг и женился во второй раз, что рассчитывал занять его место; однако его надеждам не довелось сбыться, и он, что было для него весьма унижительно, остался в стороне и получил лишь звание фельдмаршала¹¹.

Фрич не только не получил повышения, но и потерял тот пост, на котором находился; Гитлер просто не стал его восстанавливать на этой должности, «забыв» об этом. Фрич был направлен на ничего не значащую должность почетного (в ранге полковника) командира полка, которым он ранее командовал¹².

¹¹ Кейтель упомянул Гитлеру кандидатуру Геринга на пост главнокомандующего вооруженными силами, когда тот спросил его совета, кого назначить; Гитлер ответил: «Ни в коем случае. Он слишком ленив и любит комфорт и удовольствие. Я сам займу этот пост».

¹² Все обвинения против Фрича были состряпаны по приказу Гимmlера и его правой руки Гейдриха, поскольку Фрич пытался сдерживать рост влияния СС в вооруженных силах. В памятной записке от 1 февраля 1938 г. Фрич, в частности, писал: «...Это вооруженное формирование по мере роста становится противоречием регулярной армии и угрожает ее значимости своим фактом своего суще-

В ходе чистки среди военных шестнадцать генералов, занимавших высшие военные должности, лишились своих постов; еще сорок четыре были перемещены на другие должности. Командующим сухопутными силами был назначен генерал-полковник Вальтер фон Браухич.

Хотя до военных, занимавших высшие командные и штабные должности, дошла лишь дозированная и явно «разбавленная» версия скандальных интриганских историй с Фричем и Бломбергом, этого оказалось достаточно, чтобы вызвать у них возмущение и ярость. Попытки оппозиции побудить их к немедленным активным действиям успеха не имели, но у них осталось чувство неприязни и горечи, а также разочарования в Гитлере лично. И когда появились достоверные сведения, что Гитлер собирается совершить безрассудное нападение на Чехословакию, это подействовало на них, как ничто другое. Не касаясь соображений морального плана, военное руководство сходилось в убеждении, что Германия в настоящий момент не готова к подобному военному конфликту. Другим важным фактором, побуждавшим военных на ключевых командных должностях задуматься о возможности переворота, являлось наличие очень сильных антивоенных настроений в германском обществе, что обещало всенародную поддержку любого шага, имевшего целью

ствования. Хотя армия имеет определенное право инспекции состояния боевой подготовки в формированиях СС, этот отряд особого назначения развивается совершенно самостоятельно, а его личный состав целенаправленно воспитывается в духе вражды к регулярной армии». (Примеч. пер.)

предотвратить войну.

К лету 1938 года оппозиция в военной среде сформировалась, и ее контуры обозначились довольно четко. Она действовала в унисон с оппозицией в обоих гражданских секторах, а иногда действия всех трех оппозиционных составляющих пересекались между собой. Если в политическом секторе признанным лидером был Герделер, а во внешнеполитическом – Вайцзеккер, то среди военных такое положение занял генерал Бек.

Трудно себе представить кого–либо столь же непохожего на распространенный как в общественном сознании, так и в Голливуде стереотип прусского генерала, как Людвиг Бек. Уроженец Западной Германии, страстный поклонник французской культуры, человек высокого и утонченного ума, позволившего ему стать членом знаменитого сообщества ученых, которое называлось «Общество встреч по средам», он ни намеком не напоминал той твердолобости, заскорузлого консерватизма и ограниченности, с которыми ассоциируются представители старой военной касты. Его ни на мгновение нельзя себе представить с моноклом, который так хорошо подходил для такой личности, как Фрич. Его внешность вполне гармонировала с его внутренними качествами: худощавое, обтянутое кожей лицо, чувственное, с правильными чертами; слегка запавшие и немного грустные глаза. Он был верующим христианином, приверженцем аскетического образа жизни.

Тем не менее назначение Бека на пост начальника Генерального штаба сухопутных сил, последовавшее 1 октября 1933 года, было вызвано в первую очередь тем, что, по мнению Бломберга, он будет на этом посту более сговорчив и управляем, чем неуступчивый и жесткий уроженец Баварии генерал Вильгельм Адам. Бека обвиняли в приспособленчестве за точку зрения, которая просматривалась как общая тенденция среди многих групп, как внутри военных, так и гражданских кругов, согласно которой нацисты и Гитлер явно недооценивались; считалось, что их можно использовать для укрепления и перевооружения вооруженных сил, а также для обеспечения проведения политики, в большей степени отражающей национальные интересы Германии, а затем, говоря словами Цицерона в отношении будущего императора Августа, «воздать хвалу, поблагодарить и выбросить прочь»¹³.

Как и все военные, Бек приветствовал программу перевооружения армии; в курсе на ее укрепление он видел одну из положительных и сильных сторон существовавшего ре-

¹³ Такой точки зрения придерживается, в частности, Джон Уилер–Беннетт. Отдавая должное Беку за то, что он «возвышался над другими как человек высокой чести, несравненной прямоты и честности, огромного мужества и силы духа», Уилер–Беннетт в то же время отмечает, что Бек «не сумел увидеть вещи шире, чем было в целом характерно для той профессиональной среды, которую он представлял», и был типичным носителем тех взглядов и заблуждений, согласно которым «армия может спокойно предоставить возможность национал–социалистам осуществлять свой эксперимент, терпеливо за ним наблюдая, поскольку она в состоянии в любой момент вмешаться и положить ему конец».

жима. Также не вызывает сомнений, что вначале он был совершенно искренне уверен, что если Гитлер пойдет слишком далеко, армия в любой момент сможет вмешаться. Как и многие во всем мире, Бек, скорее всего, считал, что нацизм и нацистский режим со временем видоизменятся в лучшую сторону, станут более «зрелыми» и приемлемыми для общества, избавившись в ходе развития от своих наиболее неприятных черт. Как говорил Бек, нацизм, «как о кремень, разобьется вдребезги о то лучшее, что есть в немецком народе». К сожалению, либо упомянутые Бекем лучшие качества немецкого народа оказались не столь тверды, либо сам нацизм представлял собой более твердую «породу», чем предполагал Бек.

Как и для большинства военных, дело Бломберга–Фрича стало для Бека событием, вызвавшим, с одной стороны, глубокое разочарование, а с другой – способствовавшее прозрению и освобождению от иллюзий, тем более что как начальник штаба вооруженных сил он имел возможность наблюдать за всем происходящим, что называется «в упор». Для Бека самое важное заключалось в сути этой истории, а не в тех отвратительных деталях, которые ее сопровождали. Он понял, что произошло нечто очень важное, имеющее решающее значение для всего последующего развития событий. То положение, которое занимал Фрич, и то влияние и авторитет, которыми он пользовался, являлись гарантией того, что армия сможет вмешаться, если нацисты откровенно

«выйдут за рамки» и их действия будет уже более невозможно терпеть. То, как Фрич был снят со своего поста, говорило о том, что эта точка уже пройдена, причем бесповоротно. Одновременно с этим сам *факт* его отстранения означал, что предполагаемой гарантии против крайностей со стороны нацистов более не существует.

Хотя Бек, как и Герделер, испытывал яростное негодование по поводу бесчеловечных выходок нацистов, находящихся за рамками принятого в цивилизованном обществе, главным для него, как и для Вайцзеккера, было то, что нацисты толкали страну к войне. Хотя Бек был сторонником того, чтобы восстановить военную мощь Германии и вновь превратить ее в полноценную военную державу, он в то же время, как отмечал Уилер–Беннетт, «не считал войну главной задачей для солдата; по его мнению, военная мощь Германии должна быть доведена до такого уровня, чтобы уменьшить риск возникновения войны, делая невозможным как нападение на Германию, так и безнаказанное попираание ее интересов».

В 1935 году произошел эпизод, свидетельствующий, что уже тогда у Бека вызвала опасения склонность Гитлера к внешним авантюрам. В это время ему поручили подготовить оперативный план боевых действий на случай войны с Чехословакией. Бек, как обычно, четко и профессионально выполнил поставленную перед ним задачу, но, передавая документ Гитлеру, предупредил его, что разработка носит сугубо

теоретический характер и что если фюрер всерьез захочет применить ее на практике, то он (Бек) вынужден будет подать в отставку. Для начальника Генерального штаба одного из основных видов войск Германии такое замечание было поистине уникальным и не имело precedентов.

В 1936 году, когда был осуществлен ввод войск в Рейнскую область, военное командование было охвачено беспокоейством и почти паническими настроениями. На совещании у Гитлера, состоявшемся 5 ноября 1937 года в имперской канцелярии, военные смогли убедиться в том, что Гитлер самым серьезным образом намеревается начать войну. Весной следующего года стало ясно, что, проглотив Австрию, Гитлер постарается использовать нарастающий кризис в отношениях с Чехословакией, чтобы напасть на эту страну уже летом 1938 года. Это явилось решающим поворотным пунктом для Бека и тех оппозиционных сил среди военных, которые сгруппировались вокруг него.

Весной и летом 1938 года стали завязываться первые контакты между различными составляющими оппозиции. Помимо плетения заговоров представители оппозиции начиная с этого времени активно обсуждали планы обустройства государства и общества после падения нацизма. Обсуждались, составлялись и пересматривались различные варианты состава временного правительства; это было приятное, но чрезвычайно опасное для его участников занятие; особенно это касалось политического сектора оппозиции. Эта бумаж-

ная «игра» впоследствии стоила жизни многим ее участникам. К тому времени в группах Бека и Герделера сложилось мнение, что после переворота Бек должен стать главой государства в должности имперского регента, а Герделер – рейхсканцлером. Именно в это время остро прозвучал тезис о том, что следует руководствоваться зовом совести, особенно если придется выбирать между двух зол. Призывая своих товарищей не выполнять приказы Гитлера, если тот, как ожидалось, примет решение напасть на Чехословакию, Бек объяснял необходимость этого тем, что, по его мнению, «Генеральный штаб является совестью армии». Вот как он писал об этом:

«История еще осудит этих деятелей за кровопролитие, если они не будут действовать в соответствии с политическим благоразумием и собственной совестью... Подчинение воинскому приказу тоже имеет свой предел, переступить который не позволяют знания, совесть и чувство ответственности. Если же предупреждения и призывы честных военных остаются не услышанными, они должны и имеют право покинуть занимаемые посты. Если все они будут действовать решительно, война не пройдет, но если солдат, находящийся на высшем посту, по политической слепоте и недомыслию в судьбоносные времена ограничит свои обязанности и задачи рамками воинских приказов и не проникнется чувством ответственности за нацию в целом, он отяготит свою совесть. Судьбоносные времена требуют судьбоносных решений».

После долгих мучительных переживаний и внутренних поисков Бек принял для себя ясное и окончательное решение. Во время кризиса в сентябре 1938 года он уже не имел возможности принимать какие-либо серьезные военные решения или влиять на них. 18 августа 1938 года он отказался подчиниться требованию Гитлера о полном и беспрекословном выполнении любых принятых им политических решений и подал в отставку в знак протеста против как этого требования, так и планировавшегося вторжения в Чехословакию. Его отставка последовала слишком рано, и она была осуществлена слишком тихо – в частном порядке безо всякой огласки. Поэтому она не оказала того влияния на развитие обстановки, какое могла бы оказать. Если бы эта отставка состоялась в разгар кризиса несколько недель спустя и если бы о ней громогласно было объявлено на весь мир, она могла бы иметь поистине сокрушительный эффект и вызвать революционную ситуацию в Германии. Но Бек позволил своему главнокомандующему убедить себя не объявлять об отставке немедленно, в результате чего широкой общественности стало известно об отставке лишь в октябре 1938 года, когда об этом было официально объявлено. В последний раз, который, наверное, оказался для него роковым, Бек позволил традициям и привычным взглядам той военной касты, к которой он принадлежал, взять верх над доводами политической целесообразности, требовавшими принять важное политическое решение. Он сделал выбор, который оказался не

его собственным.

Пик первого раунда

Тихая отставка Бека не привела к тому, что оппозиция потеряла своего человека на этом ключевом посту и возможность его использовать. Преемником Бека на посту начальника штаба сухопутных сил стал его бывший заместитель генерал Гальдер, который так же, как и Бек, был предан делу оппозиции и разделял ее взгляды. Фактически одного сторонника оппозиции сменил другой; в то же время это были очень разные люди. Франц Гальдер был уроженцем Баварии, католиком. Как и его бывший начальник, он тоже ненавидел нацистский режим. Однако подобное отношение к нацистам появилось у него гораздо раньше, чем у Бека. В 1919 или 1920 году друзья—офицеры уговорили его посетить мероприятие, на котором выступал Гитлер. Гальдер в результате проникся глубоким отвращением как к самому Гитлеру, так и к его идеям. По его собственному признанию, с тех пор его отношение ни к тому ни к другому не менялось.

Будучи заместителем Бека, Гальдер активно выступал за более решительные действия, особенно во время кризисной ситуации, связанной с отставкой Фрича, когда Гальдер настаивал на немедленном принятии самых жестких и решительных мер. Позднее, заняв пост, на котором ранее находился Бек, Гальдер признал, что был не прав: «Я понял, что вы тогда были правы. Только заняв этот пост, понимаешь,

как велика ответственность, когда все зависит от тебя».

Те, кто пытался рассказать о Гальдере, тщетно старались найти яркие краски для описания в общем—то бесцветной и ничем особо не выделявшейся личности. Говорили, что он был похож на школьного учителя, мелкого чиновника или профессора. Хотя внешность его была запоминающейся: коротко стриженные волосы, усы, живое, подвижное лицо, казавшееся чуть перекошенным и обладавшее неким сардоническим выражением. Порой слишком много внимания уделяется тому факту, что он носил пенсне, а не очки или монокль. Многие носят то же самое, но их почему—то на этом основании не называют педантами, склонными обращать внимание на всякие мелочи. Гальдер был вполне живой человек, его можно было легко завести, и тогда становилось ясно, что это человек немалых страстей и темперамента; его уж никак нельзя было назвать флегматиком. Те, кто знал его близко, говорили, что у него часто появлялись на глазах слезы, если что—то брало его за душу.

Конечно же отвращение Гальдера к Гитлеру не привело к уменьшению или сокращению тех контактов, которые ему приходилось иметь с ним по служебным делам как начальнику Генерального штаба сухопутных сил. Уже самая первая встреча с Гитлером после назначения Гальдера на новый пост укрепила его во мнении, что Гитлер является отъявленным лжецом. После одного замечания Гитлера последовал следующий обмен репликами:

«**Гитлер**. Вы должны с самого начала понять и запомнить одну вещь: вы никогда не узнаете о моих мыслях и намерениях до того, как я отдам приказ.

Гальдер. Мы, солдаты, привыкли к четкому и ясному выражению мыслей.

Гитлер (улыбаясь и делая отрицательное движение рукой). Нет, в политике все по-другому. Вы никогда не узнаете, что у меня на уме и о чем я думаю на самом деле.

А людям, которые хвастаются, что они знают мои мысли, я лгу еще больше»¹⁴.

Гальдер ясно понял, что Гитлер не собирается и дальше терпеть то, что он пренебрежительно назвал «комплексом Бека» среди военных, имея в виду тезис о том, что Генеральный штаб является совестью армии и не может согласиться с безответственным использованием вооруженных сил. Это только еще усилило отвращение Гальдера к нацистскому режиму и лично к Гитлеру, и это чувство в дальнейшем не

¹⁴ В беседе с автором, состоявшейся 19 июня 1958 года, Гальдер рассказал еще одну историю, показывающую двуличие Гитлера. Во время войны Гальдер в течение восьми дней присутствовал на нескольких встречах Гитлера с Муссолини, румынским маршалом Антонеску и фельдмаршалом Маннергеймом из Финляндии. Каждая встреча начиналась с краткого изложения положения на фронтах, которое делал руководитель оперативного отдела Верховного командования вооруженных сил (ОКВ) генерал Йодль. Затем Гитлер делал уже свои пояснения, наклонявшись по очереди к каждому из присутствовавших, причем каждому говорил разное, а порой и прямо противоположное. Муссолини сидел со скептическим видом, Антонеску был полон доверия и даже воодушевлен, а Маннергейм, слегка повернувшись, бросил иронический взгляд на начальника германского Генерального штаба.

ослабевало, внушая надежду членам оппозиции, что в решающий момент Гальдер будет их союзником. Однако вопреки этим ожиданиям зачастую он оказывался совершенно равнодушным к их усилиям, а также, что было еще хуже и имело роковые последствия, выражая вначале оппозиции поддержку, в острой ситуации он уходил в сторону. Этим он напоминал лошадь, которая сначала буквально рвется к тому, чтобы преодолеть барьер, но останавливается, когда наступает момент прыжка. Это, конечно, не говорит о том, что ему вообще не хватало решимости и выдержки. Нет никаких оснований утверждать, что у него не хватало «мужества на поле боя» или что он терял голову в критических ситуациях. Следует помнить, что начальник штаба вооруженных сил в Германии нес прямую ответственность за проводимые операции, в то время как Верховный главнокомандующий принимал решения лишь по главным, основополагающим вопросам. Как и большинство тех, кто занимал этот пост, Гальдер хорошо справлялся с возложенными на него задачами, а порой действовал просто великолепно, показав себя профессионалом высокого класса. Ряд его положительных и сильных качеств проявился в ходе допросов во время ареста в 1944—1945 годах; он проявил себя самым наилучшим образом, сумев выдержать жесточайшее давление, которое на него оказывалось. Один из видевших Гальдера в концлагере характеризовал его как человека «с самыми сильными нервами»

среди всех высокопоставленных заключенных¹⁵.

Помимо Гальдера оппозиция могла рассчитывать и на других людей, занимавших ключевые позиции в Генеральном штабе сухопутных сил, о чем подробнее будет рассказано в следующей главе. Наиболее важную роль играл генерал Карл Гейнрих фон Штюльпнагель, который сменил Гальдера на посту заместителя начальника штаба и являлся генералом–квартирмейстером (он отвечал за проблемы, связанные с управлением войсками). Именно он сыграл решающую роль 20 июля 1944 года в Париже, приказав арестовать все находившееся там руководство СС. Он был полностью привержен делу оппозиции, выступая за самые смелые решения, и всегда был выдержан и хладнокровен, за исключением одного случая, когда один из самых сильных нервных срывов Гальдера сказался и на нем. Он, казалось, имел большое влияние на Гальдера, который очень его ценил и высоко о нем отзывался как во время, так и после войны.

Однако главный вопрос, имевший действительно ключевое значение, заключался в том, чего можно было ожидать от сменившего Фрича на посту главнокомандующего германскими сухопутными силами генерала фон Браухича. Вот, действительно, где была настоящая загвоздка!

Генерал–полковник Вальтер фон Браухич происходил из

¹⁵ Об этом же свидетельствует Карл Питер Хейл, работавший парикмахером в лагере Флоссенбург. Он также вспоминает, как Гальдер передал ободряющее послание, призывающее «держаться выше головы», адмиралу Канарису, длительное время возглавлявшему военную разведку – абвер.

аристократической семьи с устоявшейся давней традицией служения Прусскому государству. Юношей он принадлежал к корпусу пажей и был личным пажом императрицы Августы–Виктории. Гальдер характеризует его как очень тонкого и разносторонне развитого человека. Обладая солдатской статью и выправкой, он в то же время производил впечатление человека ухоженного и заботящегося о своей внешности. По манере поведения он был спокойным, с чувством собственного достоинства, довольно сдержанным и даже несколько «ушедшим в себя». Конечно, превращение из пажа императрицы в «фаворита» Гитлера, которому была уготована роль послушного исполнителя, оказалось для него чрезмерным испытанием. Для хорошо воспитанного человека, настоящего джентльмена, иметь дело с такой маниакальной личностью, как нацистский фюрер, было поистине мучением. И менее всего у него получалось вступать с Гитлером в словесные баталии. Командующий сухопутными силами успевал сказать лишь несколько слов, как Гитлер его перебивал и начинал один из своих знаменитых монологов, во время которых Браухич испытывал состояние, близкое к физической агонии. Вначале он, как и положено, сам рассказывал начальнику штаба о результатах встреч и бесед с Гитлером или об отсутствии таковых. Однако со временем личный пересказ контакта с фюрером стал для него настолько неприятным и болезненным, что он стал передавать информацию через начальника оперативного отдела полковника Хейзин-

гера. В конце концов для него стало трудным и это, и он стал передавать информацию Хейзингеру через своего адъютанта. Ему ничего не оставалось, как прямо признаться Гальдеру, что Гитлер оказывает на него устрашающее воздействие одним своим присутствием: «Я прошу понять меня правильно. Я знаю, что вы мной недовольны. Но когда этот человек стоит передо мной, я физически ощущаю удушье и не могу вымолвить ни слова».

Другие свидетели, имевшие возможность своими глазами видеть происходящее, также подтверждают, что нацистский диктатор оказывал в буквальном смысле слова физическое воздействие на Браухича. Как свидетельствует генерал Варлимонт, командующий сухопутными силами «часто выглядел совершенно парализованным».

Во всем, что касалось отношений с Гитлером и нацистским режимом в целом, Браухич был «слабым звеном», человеком, на которого оппозиция менее всего могла положиться. Помимо его личных качеств здесь играли свою роль еще и некоторые дополнительные обстоятельства. Браухич принял в качестве дара от Гитлера около 250 000 рейхсмарок, чтобы оплатить финансовые претензии своей первой супруги и вступить во второй брак. С тех пор ему приходилось вести мучительную внутреннюю борьбу всякий раз, когда предлагавшийся вариант развития событий не совпадал с его взглядами, но который из чувства долга и признательности за предоставленную помощь он должен был бы поддер-

жать. В довершение к этому его вторая жена оказалась истовой нацисткой. Кто знает, может, именно эти обстоятельства сыграли самую важную роль в том, что он занял наиболее рациональную и безопасную для себя позицию, чем его коренные разногласия с Беком, а затем, в меньшей степени, с Гальдером относительно более активной и независимой позиции, которую должно занимать военное руководство. В любом случае Браухич отказался выполнить настойчивые просьбы сначала Бека, а затем сменившего его на посту начальника штаба Гальдера передать Гитлеру подготовленные документы, где излагалась точка зрения, отличная от той, которую занимал нацистский фюрер, не говоря уже о том, чтобы возглавить заговор против него, который должен был привести к перевороту.

Хотя некоторые ведущие фигуры оппозиции, которым в будущем было суждено сыграть очень важную роль в ее деятельности и которые наверняка были в курсе готовящегося переворота, в тот момент работали в ОКХ, нет оснований полагать, что в 1938 году именно ОКХ был центром подпольной заговорщической деятельности, где была сконцентрирована вся организационная работа, связанная с разработкой и осуществлением планов переворота. В то время сначала Бек, а затем и Гальдер делали ставку на гораздо более слаженную законспирированную группу, находившуюся непосредственно внутри «вотчины» Гитлера – в Верховном командовании вермахта – ОКВ. И хотя между двумя главными фигурами

в ОКВ – начальником штаба Кейтелем и начальником операционного отдела Йодлем – велось активное соперничество за то, чтобы заслужить большую благосклонность Гитлера, большинство офицеров среднего звена были охвачены разочарованием и недовольством. А люди, стоявшие во главе таких важнейших направлений, как разведка и военная экономика, вполне разделяли взгляды оппозиции. Возглавлявший военную экономику генерал Георг Томас не скрывал своего отрицательного отношения к тем крайностям, которые Гитлер проявлял в области военного строительства и вооружения армии, а также во внешней политике. Руководитель военной разведки – абвера, адмирал Вильгельм Канарис, специалист по тайным операциям, не вызывал у нацистов особых подозрений, хотя внутренне он давно уже отверг нацистский режим и не считал себя обязанным хранить ему верность. Канарис был личностью исключительно сложной; вероятно, его главной характерной чертой было неприятие насилия, крайние формы которого вызывали у него отвращение и буквально физическую тошноту. Для тех, кто его знал или изучал его деятельность, всегда оставалось загадкой, как человек в столь сильной степени являвшийся фаталистом и часто говоривший о бессмысленности вмешательства в естественных ход событий, в то же время столь часто предпринимал активные усилия, чтобы попытаться направить развитие этих событий в нужном ему направлении. В конце концов, история, возможно, покажет, что он был гораздо более во-

влечен в деятельность Сопротивления, чем многие его видные представители. Нет прямых свидетельств, что он был одним из главных участников оппозиции в 1938 году, однако он уже в то время активно оказывал скрытую поддержку ее деятельности; он осуществлял своего рода оперативное обеспечение заговора против Гитлера – под его надежным крылом, используя нужные ведомства, осуществлялись как разработка различных вариантов операции, так и практические шаги по их подготовке, включая контакты, поездки и т.д.

За планирование и осуществление переворота в 1938 году специально отвечала группа из наиболее активных и решительных участников заговора, сформировавшаяся вокруг двух руководителей отделов абвера – полковника Ганса Остера, начальника штаба и руководителя Центрального управления, и майора Гельмута Гроскурта, возглавлявшего Второй отдел, занимавшийся подрывными операциями и организацией актов саботажа. В группу входили верные и преданные люди, наиболее известными из которых являлись капитан корвета Франц Лидиг, австрийский полковник Эрвин фон Лахузен, капитан Фридрих Вильгельм Гинц, а также штатское лицо – Ганс Бернд Гизевиус.

Если Бека летом 1938 года можно было назвать главнокомандующим оппозицией, то Остера – ее начальником штаба. И хотя знакомы, судя по всему, они были не долго, между ними быстро установились близкие и доверительные от-

ношения. Гальдер, бывший в то время заместителем Бека и имевший возможность лично наблюдать происходящее, свидетельствует, что в тот период Остер и Бек часто встречались и многие из этих заранее запланированных встреч были весьма продолжительными.

На том этапе деятельности оппозиции планирование тайных операций осуществлялось Остером и его людьми, и следует отметить, что варианты разрабатывались полно и всесторонне. Именно в этот период был разработан вариант переворота, известный как «план Остера». Для ареста Гитлера и захвата имперской канцелярии была создана специальная штурмовая группа, своего рода «группа коммандос», которую возглавлял капитан Гинц. В нее входило около шестидесяти молодых офицеров, студентов и рабочих; ее смешанный состав должен был продемонстрировать, что переворот является не просто военным «путчем», а крупномасштабной акцией, в которой широко представлены все антифашистские силы Германии. Их главной задачей был арест Гитлера и обеспечение того, чтобы он, как предполагалось, предстал перед показательным судом за те явные и не вызывающие вопросов преступления, которые он совершил. Однако, скорее всего, ставилась задача «побыстрее разобраться» с фюрером; несмотря на противоположную точку зрения высших руководителей заговора, Гинц и Остер при поддержке ряда других офицеров считали, что диктатора нужно ликвидировать в хорошо известной нацистской манере: он

был бы убит «при оказании сопротивления при аресте» либо «при попытке к бегству».

Для более широкого обеспечения акции оппозиции удалось привлечь на свою сторону командующих войсками, расположенными в Берлине и вокруг него. Командующий Берлинским военным округом генерал Эрвин фон Витцлебен и его подчиненный, командующий войсками в районе Потсдама генерал граф Брокдорф–Аглефелд были наиболее решительно настроенными из всех военных, которые действовали в рядах оппозиции. Командиры и старшие офицеры трех полков, расположенных в радиусе быстрой досягаемости Берлина, были готовы немедленно выступить, получив соответствующий приказ. Главная идея состояла в том, чтобы выступить в разгар международного кризиса, объявив целью выступления недопущение того, чтобы Гитлер вверг страну в губительную и разрушительную европейскую войну. С учетом преобладавших в обществе антивоенных настроений провозглашенная цель предотвращения войны наверняка получила бы всеобщую поддержку населения. Конечно, для достижения такой поддержки была необходима координация шагов оппозиции с действиями западных держав; общество должно было обязательно осознать, что нападение на Чехословакию неизбежно приведет к европейской войне. Посланцы от Бека и Вайцзеккера посещали Лондон и пытались добиться проведения такого курса, который бы ясно показал, что локализовать конфликт между Германией и

Чехословакией и оставить его только на двустороннем уровне не удастся.

Анализ причин отказа Англии положительно ответить на эти предложения мы проведем позднее. А выяснение того, имела ли оппозиция достаточно ресурсов и возможностей для успешного осуществления своих планов, будь реакция Англии положительной, вообще выходит за рамки настоящего исследования. Следует отметить, что в рассматриваемом случае, который оказался далеко не последним, оппозиции пришлось столкнуться с негативной комбинацией факторов – неблагоприятно сложившимися обстоятельствами и слабостью своих собственных рядов; преодолеть эту неблагоприятную ситуацию оппозиции оказалось не по силам. Как бы то ни было, согласованных действий оппозиции и западных держав, на которые возлагалось столько надежд, достичь не удалось. Высшие руководители оппозиции, полные оптимистических надежд (особенно когда показалось, что требования Гитлера воспринимаются английским премьер-министром Невилем Чемберленом как чрезмерные), дважды в течение сентября 1938 года отдавали приказ о готовности выступить на следующий день. Брат майора Гроскурта вспоминает, как в один из сентябрьских дней майор возбужденно воскликнул: «Сегодня вечером Гитлер будет арестован!» И каждый раз объявления о предстоящих визитах в Германию Чемберлена срывали запланированное выступление, причем в последний раз это произошло за день до Мюнхе-

на. Мюнхенское урегулирование, которое на самом деле мало что урегулировало, окончательно и бесповоротно продемонстрировало, что первый раунд завершился с убедительным преимуществом Гитлера.

Остается открытым вопрос, был ли в истории Третьего рейха еще один момент, когда высший генералитет вооруженных сил был в такой же степени готов к выступлению против Гитлера, как в сентябре 1938 года. В особенности это относится к Францу Гальдеру. С августа 1938 по май 1940 года он имел постоянный доступ как к центральному пульту связи, по которому в ОКХ поступала вся информация и который мог быть использован для передачи сигнала к мобилизационной готовности и выступлению всем разрозненным оппозиционным группам, так и к другому, который был пущен в эксплуатацию осенью 1939 года. Он осуществлял техническое обеспечение переворота и имел в подчинении людей, которые должны были этот переворот непосредственно осуществить. Другая часть заговорщиков занималась разработкой планов переустройства Германии после заговора, а также составом будущего правительства, и только Гальдер мог подать сигнал этим «активистам–теоретикам», что наступило время претворять их разработки в жизнь.

В сентябре 1938 года Гальдер дважды «нажимал на кнопку». И оба раза ему приходилось отменять приказ о начале выступления в силу возникновения чрезвычайных обстоятельств, находившихся вне его контроля. А дать такой при-

каз в третий раз ему было уже гораздо труднее. К моменту второго приказа он находился на новом посту всего лишь несколько недель и, вероятно, еще считал, что он просто занимает место, принадлежащее Беку, к которому он продолжал относиться столь же уважительно, как и тогда, когда был его заместителем. Однако теперь он свыкся со своей должностью и ощутил на своих плечах весь груз персональной ответственности, который на них лег. Да и ситуация для заговорщиков сложилась безрадостная. После Мюнхенского кризиса казалось, что Гитлер одержал свою самую крупную внешнеполитическую победу. Его престиж и авторитет в Германии достигли столь высокого уровня, что возникали серьезные сомнения, сможет ли оппозиция поднять нацию против него, даже и под лозунгом предотвращения мировой войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.